

«Aeroflot»

Записки бортпереводчика

Банановая кожа

Почему так темно? Сейчас должно быть утро.
Пол прохладный. Щеке прохладно. Я на полу. Я в коридоре. Как-то я сполз с кровати.

«Если б был я не калека и слезал с кровати вниз»... Ха.

С кровати вниз на пол сполз.

Встать невозможно. Дышать больно. Никого нет.

Все уехали. Командир меня будил, посмотрел на меня красными глазами и сказал, что прийдёт врача эскадрильи.

Потом провал опять.

Как сполз – не помню.

Что ж так темно? Окна все зашторены. От жары. Впрочем, жары здесь особой нет. Но все же Африка.

От стены отделяется тень. Худая, длинная. Тень похожа на Колю, борттехника по АДО¹.

- Коля, ты?

- Я. Ты как?

- Не знаю. Ребро, кажется, сломано.

- Понятно. Лечиться будешь?

Коля не ждёт ответа. Борттехники по АДО – очень хорошие ребята, они никогда не ждут ответа, не дадут пропасть, всегда у них что-нибудь припасено.

Коля выносит из комнаты 3-х литровую банку.

- Лёжа пить можешь?

- На животе трудно.

Я кое-как приподнимаюсь и сажусь боком, прислонив здоровую часть спины к стене.

От боли я что-то произношу нехорошее.

- Щас полегчает.

Коля садится на корточки и начинает наливать в стакан.

¹ Авиадесантное оборудование

- Черт, не видно ни хрена!
- А ты же ещё в черных очках, Коля!
- Та все равно – ничего не видно. На, держи!
- Я пью.
- Это что – камышовка?
- Больше ничего нет, хорошо, что это значил.

Камышовка: так мы называем эфиопское белое сухое вино, которое продаётся в пузатых бутылках, обмотанных какой-то соломой, похожей на камыш. Продаётся в любом, даже самом задрипанном киоске на улице, вместе с другой всякой дрянью, типа эфиопских сигарет. Кислятина жуткая, но все же лучше тети Клавы.

Тетя Клава – это смерть, это катаклизм, это мертви бджолы². По-амхарски – катикала, местный самогон. Пить тетю Клаву – безумство храбрых.

- Это же всё надо выпить, чтобы полегчало.
- Пей вволю.
- А ты чего здесь остался? Тоже заболел?

Коля садится на пол рядом со мной, глубоко вздыхает и снимает огромные – в пол-лица – черные очки.

Поначалу мне кажется, что на Коле ещё одни черные очки, чуть поменьше. Присмотревшись, понимаю, что это два здоровенных фингала.

- Понятно. И кто тебя так?
- Сашко.

Сашко – стрелок в нашем экипаже, прапор. Как все прапора в эскадрилье – хохол. Они – тоже крепкие хозяйственники и мастера на все руки. Еду сготовить, поляну накрыть – лучше людей нет.

Ну, и мастера на все руки. Или я уже это говорил? А у Сашка – хоть он и пожилой – руки, что Колины ноги, и кулаки, как чайники.

- В общем, - Коля опять глубоко вздохнул, - ты уже намылился с Кокаревым куда-то ехать, а мы ещё порядочно посидели, выпивали. На Сашка нашла ностальгия, и он стал вспоминать любимого кабанчика в своём селе: и какой он красивый и гладкий, и как его Сашко любит. И как он «вэлыкого собаку гоняв навколо хаты». В итоге Сашко лёг под стол и стал изображать своего любимца. Попросил, чтобы кто-нибудь почесал ему за ухом. Ваш штурман стал чесать, а Сашко, довольный, хрюкал. Не знаю, что на меня нашло, я просто пошутить захотел: схватил шампур и на Сашка с криком: «А теперь, свинюка хохляцкая, я тебя заколю!» И тут Сашко как будто забыл, что он кабан домашний, а не дикий, и стал меня метелить...»

- Що, так зобразився³ на хохла?
- Та хто його зна. Здурів зовсім. Ми ж з ним з одного села, він і кабанчиків для мене колов.

Коля ещё раз вздохнул и вернулся к русскому языку.

² Мертвые пчелы (укр.) – кранты, кирдык.

³ Обиделся (укр.)

- И всегда один колол, помощники мне не нужны - только мешают, говорил. Ну, и сам валил кабана, сверху его придавливал - и длинным шилом...

- Хорошо, что вчера без шила обошлось.

- Ну, и ты, хорошо, что жив остался. Начальник штаба – чемпион округа по тяжелой атлетике все- таки.

Полбанки камышовки приглушили боль. На её место возвращался разум, вернее, то, что осталось от него после вчерашнего большого праздника - 23 февраля.

Как же все было? Шашлыки, совершенно резиновые, что понятно: говядина здесь такая же тощая, как и сами эфиопы. Консервы, колбаса, сало из запасов, привезённых из Союза. Техсостав подсуетился, наготовил картошки, салатов. Гвоздём программы был технический спирт, смешанный – чтобы он был ещё вкуснее – с кока-колой.

Все три экипажа, размещённые на вилле, уселись за сдвинутыми вместе столами. Поначалу тосты произносили командиры экипажей и начальник штаба. Потом все подряд: за авиацию, за содружество родов войск, за боевое братство...

Потом запели. Как положено: «Первым делом, первым делом – самолёты», «Махну серебряным тебе крылом» - это хором, дурными голосами. Потом потише – «Кожаные куртки, брошенные в угол» - под гитару. Выпили ещё – опять повеселели: «За моим столом выдно чуже сэло», «Ты ж мэнэ пидманула, ти ж мэнэ пидвэла». Недаром экипажи из Запорожья.

Потом пошли разговоры. В основном про то, как кто-то из дивизии приехал с проверкой и кого-то выебал.

Стало скучно. Мы с Женькой переместились в его комнату.

Женька – тоже бортпереводчик. Он - из Мариуполя. С Левого Берега. Он сам так всегда говорит: «Я – из Мариуполя, с Левого Берега». Что это за Левый Берег – никто не знает, но что-то, должно быть, важное.

И тут появился Кокарев – как чёртик из табакерки. Слегка пьян, побрит и благоухает одеколоном. И одет явно на выход.

- Слав, одевайся, поедem в город. Скучно здесь.

- Куда?

- В «Раз-отель».

«Раз-отель» - гостиница в центре Аддис-Абебы, куда нас иногда селят на время очередной 3-х месячной командировки. В этот раз не повезло – разместили на вилле на окраине. Виллу прозвали «сомалийской»: до войны с Сомали здесь жил сомалийский посол. Думаю, один с семьёй. А сейчас здесь мы – три доблестных экипажа АН -12 плюс «маслопузые» – короче, человек 30. Тоже большая дружная семья.

«Раз-отель» по-английски, соответственно, Ras Hotel. Если перевести с амхарского – Prince Hotel. Наши ребята произносили, понятное дело: «Расхотел». Отель кишел западным людом и шармутами⁴. Шутка была: «Целый день в полетах, мечтал: скорей бы в уже в гостиницу. Приехал – расхотел...»

- Вставайте, сэр, нас ждут великие дела, the night is young⁵, - не унимался Кокарев.

⁴ Проститутки (амх.)

⁵ Вечер только начинается (англ.)

Он действительно чёртик: небольшого роста, юркий, только носик курносый, дерзкие глаза, театральные позы. Короче, сплошные понты. Лётную фуражку он сразу как-то лихо переделал. В Эфиопии она, правда, не нужна. Мы летаем в гражданском, кто в чем придётся. И только Кокарев раздобыл где-то летнюю голубую робу, которая бывает только у пилотов истребителей. А вместо штатных ларингофонов, которые не передавали все красоты английского произношения, у него были наушники с микрофоном с Ил-76.

Я пошёл в свою комнату, чтобы надеть джинсы и обуться.

Выйти из комнаты мне не дал начальник штаба – коренастый, колченогий, кряжистый. Человек-торс. Шире дверного проема. Не обойти. Разве что между колченогими ногами пролезть.

Пошёл обычный булшит⁶: товарищ лейтенант, куда это Вы собрались и прочее.

- В Раз-отель, - говорю.

- Это ещё зачем?

- Погулять. Праздник все-таки.

- Какой праздник? Отставить!

- 23 февраля, какой праздник.

- Отставить! Закончен праздник!

- Никак нет, товарищ капитан! – раздался голос Кокарева из-за спины начштаба. – Ещё только 23 часа 25 минут – детское время!

- Кокарев? И ты туда же?

- Так точно! И я туда же!

В голосе Кокарева явно узнавался развязный поручик Ржевский, но начштаба этого не заметил.

- Так, - перешёл он на крик, - отставить Раз-отель, никто никуда не едет! Стариков, раздевайтесь!

- А что это Вы собрались со мной делать? С чего это я должен раздеваться?

Начштаба ничего больше не говорил. Слов у него вообще было немного.

Я слышу дружелюбным и веселым. К тому же в детстве много болел, читал книжки и играл на пианино в то время, когда мои друзья гоняли в футбол. Короче, мы мирные люди. Но все-таки я пацан донецкий и не люблю, когда на меня кричат не по делу. Особенно в красный день календаря, и когда я немного выпил за содружество родов войск, и отдаю лучшие годы жизни в борьбе за светлое будущее братского эфиопского народа, и меня замучила ностальгия по родине.

- Товарищ капитан, разрешите обратиться!

Начштаба вспомнил с моей подсказки слово и угрюмо выдавил:

- Обращайтесь!

- Вы не могли бы пойти на х*й?

Я сказал это и испугался. Не за себя - за капитана. Он весь налился пунцовым цветом и стал похож на перезрелый помидор «Бычье сердце», который вот-вот рэпнет⁷.

⁶ Херня (англ.)

⁷ Лопнет (укр.)

- Подонок! По стене размажу!
У начштаба по-настоящему прорезалась память: он вспомнил много слов.
И тут раздался задорный и тонкий голос Кокарева:
- Слав, да что ты смотришь на него? Врежь ему как следует!
И я врезал. По-видимому.
Мне так кажется.

Потом все. Темно. Мертви бджолы. Хорошо было Никулину в «Бриллиантовой руке»: проснулся – гипс. Тут проснулся – нет гипса. А дышать нечем. В комнате никого. Начштаба больше нет. Догадываюсь, что кинул он меня каким-то приёмом – голова и челюсти не затронуты – и хряпнулся я спиной о деревянный угол кровати.

Не помню, как переполз в комнату Женьки.

Женька пил джин с моим штурманом. Увидев меня вползающего и стенающего, он закричал: «Что они с тобой, гады, сделали?», и слезы брызнули у него из глаз. Плакал Женька долго, и пока он это делал, мы со штурманом махнули по паре рюмок. Стало веселее. Я коротко рассказал о единоборстве с начштаба.

«Сука!», - опять закричал Женька и зашёлся пуще прежнего.

Успокоился он так же внезапно, как и начал плакать.

«Бл*ди, - задумчиво произнёс он, - бл*ди! Вдали от Родины мы выполняем наш интернациональный долг, пьём...

Женька замолчал и тяжело вздохнул.

- Отставить «пьём». Хотя и пьём тоже, - Женька повысил голос. - Льём, льём кровь за социалистическую Эфиопию, за этого Мангуста Хайле Мариам⁸, а нас калечат начальники штабов! Давайте выпьем. Выпьем и споём. Давай, Слав, про «рыцарский турнир⁹»!

Последние куплеты Женька пел стоя:

«И вот всё кончено, пусть отдохнут поля,

И льётся кровь его на стебли ковыля.

Король от бешенства дрожит,

Но мне она принадлежит,

Мне так сегодня наплевать на короля!»

Он пел, стиснув кулаки и с вызовом глядя на дверь: за ней, по-видимому, находились те люди, на которых он хотел плюнуть.
Как-то я добрался до койки и заснул...

Приехал доктор. Мертви бджолы, то есть пьян. Но очень весёлый. Веселые глаза – в разные стороны. Ткнул мне в спину – я чуть не сдох.

- Два ребра, как минимум.

Я не очень расстраиваюсь. Надеюсь, у него двоится.

Камышовку допиваем вместе с доктором. Коля помогает загрузить меня в УАЗик. Через полчаса мы в военном госпитале.

⁸ Менгисту Хайле Мариам – президент Социалистической Эфиопии, пришедший к власти после свержения императора Хайле Силассие

⁹ Песня Владимира Высоцкого

Хирург наш, советский и военный. Сухо: «Отпраздновали? Думаю, анестезия ещё продержится, пока рентген сделаем. Потом сделаю блокаду».

Лучше бы он сразу блокаду сделал. Боль придавливает так, будто начштаба меня снова об угол кровати хряпнул. Все-таки камышовка – фуфло. Не зря в песне поётся: «Вино не пью, вино мне пить не интересно»... Назад к хирургу меня везут на каталке.

В палате две койки. На одной из них узнаю Жеку Белова – какая встреча. Жека учился на переводческом отделении на курс младше меня. Я его и ещё одного его одноклассника отвозил в Асмару: их направили на северный фронт. В вечер перед вылетом мы выпили в Раз-отеле, они ловили каждое моё слово, я раздувал щёки, корчил из себя ветерана. Но фронта они не боялись, им сказали, что работать при наших советниках – дело безопасное. Они боялись, хватит ли им знания военной терминологии, чтобы хорошо переводить.

Короче, не того они боялись. Английского у них было больше, чем у эфиопов, для которых они переводили, и военный перевод у нас преподавали очень хорошо.

Бояться нужно советников.

Жека попал в переплёт довольно скоро. Батальон, в котором он оказался со своим советником, углубился в какое-то ущелье. Эфиопы несколько раз намекали советнику, что ущелье очень узкое и удобное для засады, и перестрелять их смогут легко. Но у советника был какой-то свой хитроумный план, типа «война – хуйня, главное – манёвры», и он насоватывал продолжать движение.

Эритрейцы заперли их в этом ущелье и стали отстреливать. Спасать наших прилетел вертолёт. Жека проявил героизм: дотащил из БТР к вертолёту раненого своего полковника. Переводчика из Горького – я его не знал – убили, а Жекиного одноклассника, который на один день - один! - попал в Эритрею с Южного фронта, ранило в бедро. Его вскоре отправили в Союз, комиссовали и наградили ЗБЗ¹⁰. Он вернулся в Харьков, ходил долгое время с палкой, как Грушницкий, стал героем войны и преподавателем на кафедре английского языка нашего университета.

Жека после засады заболел малярией.

Когда мы встретились в госпитале, он болел ею в третий раз.

- Ну, что - давай за встречу?

- Да мне как бы нельзя – малярия. И забор вокруг – не выйдешь.

- Пойдём к забору – чего-нибудь придумаем.

Думать долго не пришлось. В метрах 30 от железного забора – киоск со всем необходимым.

Мы кричим: «Сима! Сима¹¹!»

Из окошка деревянной будки высовывается голова.

Товарно-денежный обмен происходит через стальные прутья. Мы находим место в тени.

- Так что, с Севера тебя переводят?

- Нет.

¹⁰ Медаль «За боевые заслуги»

¹¹ Послушай (амх.)

Жека не очень разговорчив, и когда говорит, немного улыбается, так – в пол-лица, будто смотрит на что-то смешное внутри себя. Когда смеётся – довольно редко – его глаза почти исчезают, становясь узкими щелчками. Глаза и волосы, вопреки фамилии, совершенно черные. Точно, он корейских кровей.

- Но должна быть какая-то ротация, ты и так натерпелся. И тебе цены нет, ты амхарский освоил как, тебе самое место – в Аддис-Абебе, при ГВС¹².

Жека улыбается и молчит. Все не так просто. Что-то, может быть, произошло у него с этим полкашём. А амхарский он действительно здорово выучил...

Вот чем хорош госпиталь в Эфиопии? Человечностью и добротой младшего медперсонала. Я это ещё по Бальче выучил – больнице Красного Креста, спасибо Булатовичу. И ещё – кнопкой возле изголовья кровати. Её нажмёшь – и придёт эфиопка, обычно молодая и очаровательная. Ей говоришь на любом языке одно слово – морфий. Она извлечёт резкий и короткий вздох, как будто у неё перехватило от неожиданности дыхание – такое «ах» на вдохе и добавит: «Ищи».

Искать ничего не надо. Так эфиопы выражают согласие: «хорошо», «ладно». Ну, вот, красавица быстро удаляется и возвращается со шприцем, вид которого вовсе не пугает, а радует. Через несколько минут...

...«всё стало вокруг голубым и зелёным»...

И можно возвращаться к интересной, насыщенной больничной жизни.

Ее насыщал майор разведки, которого ранили в рот.

В майора попали из крупнокалиберного пулемёта. Стреляли сепаратисты не в него, а в вертолёт, с которого он вёл разведку позиций противника. Пуля пробила обшивку и угодила снизу в челюсть майора. В госпитале ему сделали операцию и наложили на челюсти шины. Шины не давали майору раскрывать рот, что не мешало ему говорить. При этом шины, напоминавшие огромные и страшные клыки, обнажались, производя жуткое впечатление.

Но это только поначалу, пока не привык. Через пару часов уже не пугаешься и не вздрагиваешь, просто стараешься понять человека. И это дело оказалось несложным. Для разговоров, точнее монологов, у майора всего лишь две темы. К нам – молодому личному составу, валявшемуся в госпитале с травмами, амёбной дизентерией и малярией, он обращается по-отечески ласково – «пеньки».

- Ну что, пеньки, - выдавливает майор сквозь клыки слова, как воздух из прохудившейся велосипедной шины, - кто в храп будет?

Храп – любимая карточная игра в ВТА¹³. Я в неё играть так и не научился, но желающих и без меня хватает.

За картами майор заводит разговор на вторую – любимую тему.

- Ну что, пеньки, кто скажет, что Запорожец – плохая машина?

Никто такое сказать, естественно, и не подумал бы: we know better¹⁴.

- Новая модель Запорожца существенно отличается от старой, - подыгрывает майору Жека.

¹² Главный военный советник

¹³ Военно-транспортная авиация

¹⁴ Здесь: дураков нет (англ.)

- Правильно! - радостно подхватывает майор, - Красивая машина, современная, элегантная. Багажник находится в передней части автомобиля, как и у старой модели, но значительно просторней.

- За счёт чего? - изображает неподдельный интерес Жека.

- За счёт того, что бензобак тоже размещён в задней части, - увлечённо продолжает майор.

- Ничего себе! - встречает кто-нибудь ещё.

- Да, пеньки, в задней части! И салон...

- Там есть салон? – раздаётся изумлённый вопрос.

- Салон почти такой же просторный, как у Москвича, всего на полтора сантиметра меньше! А мощность доведена до 30-ти лошадиных сил! И удобный доступ к двигателю!

Нездоровая страсть майора к ушастому уродцу отечественного автомобилестроения имеет простое объяснение. По ранению майора отправляли на Родину. В Эфиопии он пробыл меньше года и, естественно, не успел накопить достаточно денег, чтобы купить мечту каждого военного - машину «Волга». Хватало только на Запорожец.

Каждое утро майор идёт на охоту. Место для засады у него одно и тоже - на лестничной площадке за углом, из-за которого хорошо просматривается длинный коридор. Около семи – до утреннего обхода – в дальнем конце появляется толстая эфиопка – уборщица. Орудя шваброй, она задом перемещается по коридору к лестничной площадке. Когда её зад вплотную приближается к повороту за угол, из засады со страшным рыком выскакивает майор, подняв над собой руки, как зверь, ставший на дыбы, и обнажив свои клыки-шины.

Эфиопка оборачивается, роняет швабру и истошно орёт. Она – очень простая женщина и не помнит, что вчера, позавчера и поза-позавчера - каждое утро на протяжении последних пары недель – на неё точно также нападали наш саблезубый майор. Каждый раз она кричит так, как будто это происходит с ней впервые. Каждый раз её шоколадное лицо сереет от испуга, а глаза наполняются неподдельным ужасом.

Майор смеётся, обнимает дрожащую эфиопку и приговаривает: «Чигир йелем, все батам туруно¹⁵! Шутка!»

Это он делает каждый раз также совершенно искренне. И радуется, как ребёнок .

Так и проходит больничная жизнь: сцена охоты, обход, завтрак, морфий, Гарольд Роббинс¹⁶, обед, храп (и тот, и другой), реклама автомобиля «Запорожец», камышовка, Гарольд Роббинс, ужин, морфий... Иногда наши врачи задействуют нас, переводяг, на обходах, но это не в тягость. Эфиопов жалко: страдают стойко, а ранения бывают тяжелые, и морфий им в больших количествах не дают.

Воскресенье. Много посещающих. Эфиопов посещают семьи. Мамы, жены, сестры в белоснежных шаммах¹⁷. Многие из них ослепительной красоты. Тонкие черты лица. Татуировки на лбу некоторых в форме эфиопского православного креста делают их ещё интереснее, если не краше. Неужели это Африка?

¹⁵ Проблем нет! Все очень хорошо! (амх.)

¹⁶ Популярный в то время американский писатель

¹⁷ Накидка, эфиопская традиционная верхняя одежда

Вот и ко мне посетители. Приперлись всем экипажем, во главе с командиром. Все ребята хорошие, но чтобы в свободный от полётов день навещать своего переводчика, вместо того, чтобы поехать отовариться на маркат¹⁸ – это уж слишком, в такое трудно поверить. Видно, что не по своей воле, а «токмо»... Командир – весёлый парень, а сейчас как-то криво улыбается:

- Слав, вот мы тут пришли тебя проведать.

- Спасибо.

- Ты давай поправляйся, а то без тебя скучно, некому на гитаре сыграть, песни попеть.

- Да скоро выпишут, думаю, мне делать ничего не делают, даже гипс накладывать нельзя.

- Отлично. Слушай, тут такое дело...

Ну вот, дошли до дела. Так просто эта история кончиться не могла. Все-таки, обматерить начштаба и по роже ему заехать...

- Короче, твоё дело расследовать должны.

- Моё?

- Ну, не только твоё. Сам понимаешь, это – типа ЧП, с нанесением телесных повреждений.

- А что, начштаба тоже повредился?

Командир улыбается. Он и правда хороший мужик. Курчавые волосы, круглое доброе лицо. Он никого бы об угол кровати бить не стал.

- Нет, он жив и невредим. Но очень переживает. По любому такому факту проводят расследование. И неприятности могут быть у всех.

Это он и себя имеет в виду.

- В общем, чтобы все как-то уладить по-хорошему... Ты напиши объяснительную, что, мол, несчастный случай...

Вот за что я люблю наших военных: у них не только авторучка и бумага найдётся, но и папочка, на которой писать удобно, не вставая с кровати.

Как слышится, так и пишется.

Пишу объяснительную на имя командира эскадрильи:

«По факту полученного мною увечья – поломки 1-го (одного) рёбра – довожу до Вашего сведения, что вечером 23-го февраля 1978 года я зашёл в свою комнату и поскользнулся о незамеченную мною банановую кожуру, лежавшую на полу. В результате чего я упал и ударился спиной об острый угол кровати».

Ну, дата и подпись.

Командир прочитал и повеселел:

- Это как в Бриллиантовой руке, получается?

- Ну да, зато чистая правда. Могу кожуру поменять на апельсиновую.

- Да не, сойдёт. Ты поправляйся.

Все заметно повеселели. Видно, особист их настращал.

- Ну, ты давай поправляйся!

Последним уходит Сашко.

¹⁸ Искаженное от меркато (ит.) - базар

- Ось тримаю, тоби гостинец. Сало домашне.

Сашко достаёт из кармана свёрток и кладёт на тумбочку.

Жеку выписывают. Я провожаю его до ворот. Он – в эфиопской военной форме.

Ему везёт: в этот момент от госпиталя отъезжает автомобиль, за рулем которого я узнаю своего знакомого – авиадиспетчера. Я прошу его подвезти Жеку до штаба ГВС.

Через два дня за мной приезжает эскадрильский доктор. Я захожу в палату к майору, чтобы попрощаться. Он сидит спиной ко мне. В руке у него карандаш. Перед ним стопка писчей бумаги. Все листы разрисованы. Рисунок один тот же – «Запорожец», модель ЗАЗ 968.

Прощай, майор разведки...

На Кокареве – несмотря на мороз - кожаное пальто и фетровая шляпа. Он стоит ко мне спиной.

- Узнал?

Он медленно поворачивается ко мне лицом, чтобы произвести максимальный эффект. Кино.

- Я милого узнаю по походке. Личико можно не показывать.

10 лет как будто не было. Кокарев – всё такой же.

Он позвонил секретарше ооновских курсов, и она позвала меня к телефону. Вот кого не ожидал услышать.

- Ты где? Как меня нашёл?

- В географическом смысле я – в Москве. Об остальном – при встрече. Вечером сегодня свободен?

Голос был тоже 10-летней давности.

Квартира у Кокарева – не в центре, но большая. Не хило для луганского пацана.

- Люсю мою помнишь? Сейчас на стол накрывает. Хозяйка у меня просто замечательная.

Помню, конечно. На нашем инязе на педагогическом училась. Симпатичная и умная.

Стол действительно замечательный. Водка после мороза на улице – как елей на раны. Мы пьём за встречу. Закуска отменная, в магазинах такая не продаётся. Люся выпивает с нами одну рюмку и оставляет нас вдвоём. Ученая женщина, сразу видно.

- Так как ты меня нашёл?

- Легко! Мы с тобой, считай, коллеги. Я – в МИДе работаю.

Кокарев смотрит на меня многозначительно.

- Я так понимаю, - перешёл он на характерный развязный тон, - ты эти курсы переводчиков ООН заканчиваешь к лету, и осенью – в Нью-Йорк?

- Я не знаю, распределение после экзаменов будет.

- Значит, в Нью-Йорк. Ну, а я в Женеву, атташе по правам человека.

- Ты? Ты теперь специалист по правам человека?

Он только смеётся в ответ.

Мы вспоминаем наши похождения в Эфиопии. Становится тепло и весело. Пьём за дружбу. Потом и за содружество родов войск, естественно.

- Ну ладно, - снисходительно произносит Кокарев, освежая рюмки, - не буду тебе морочить голову. Или надо рассказывать, где я работаю? Ты вот спрашивал, как я тебя нашёл?

Всё понятно. Сбылась мечта, значит. Интересно, давно ли.

- Ладно, давай помянем наших боевых друзей.

Поминаем.

- Вот так вот, друг ты мой любезный, и опять разбросает нас по свету.

Кокарева уже явно тянуло на лирику.

- Давай за удачу и пойдём перекурим.

Он перехватывает мой взгляд, обращённый к еде на столе.

- А лучше, знаешь, давай возьмём на кухню закусь и там ещё посидим. Люська там курить разрешает. А ей уже спать пора.

Моё внимание сразу привлекают старые большие наушники с микрофоном, висящие на стене рядом с холодильником.

- Узнаёшь гарнитуру?

Кокарев надевает наушники.

- This is Aeroflot 10109. Over.

Это мой позывной. Я его сам выбрал. В Союзе позывной был другой.

- Requesting clearance to land. Over.¹⁹

Все, как 10 лет назад: кривая ухмылка, дерзкие глаза, сигарета в уголке рта.

Сплошные понты.

- Aeroflot 10109, this is Vole²⁰ tower, you are cleared to land between the fridge and the window. Over and out²¹.

- Вообще-то я гарнитуру к приёмнику присоединил и радио слушаю. Чтобы Люсе не мешать.

- «По ночам я слышу голоса»²²?

Кокарев смеётся.

- Идеологического противника нужно знать хотя бы понаслышке.

- Или по прослушке?

- Смешно.

Кокарев не смеётся. Он наклоняет голову вниз, как будто увидел что-то в своей рюмке.

- Давай ещё выпьем. Не чокаясь. За тех, кто не вернулся.

Умеет он пафос нагнать. Вообще-то, все вернулись. Мы всех привезли. Но выпьем.

- Где ж ты моя черномазая, где? В Аддис-Абебе, Аддис-Абебе! – вдруг запел Кокарев, - Помнишь? Это же ты сочинил! А ещё: «Родина слышит, Родина знает, Кокарев Саша свой долг выполняет!» Твои всё изыски. Как ты говорил: «Погиб при взимании интернационального долга»?

- Ох, хорошая у тебя память...

¹⁹ Прошу разрешения на посадку Прием (англ.)

²⁰ Аэропорт Аддис-Абебы

²¹ Аэрофлот 10109, Боле-старт, посадку разрешаю между холодильником и окном (англ.)

²² Из песни Владимира Высоцкого

Какое-то время мы сидим молча.

- Ладно, я пойду, хорошо посидели. Спасибо. И Люсе твоей спасибо.

- Тогда на посошок! И.. А хочешь я тебе кое-что покажу напоследок?

Глаза у Кокарева вновь становятся хитрыми и наглыми.

Он выходит из кухни и вскоре возвращается. В руке у него папка.

- Вот, ознакомься, - протягивает он мне лист бумаги.

Бумага пожелтевшая. Почерк знакомый.

«Командиру эскадрильи...

Объяснительная...

По факту полученного мною увечья – поломки 1-го (одного) рёбра – довожу до Вашего сведения, что вечером 23-го февраля 1978 года я зашёл в свою комнату и поскользнулся о незамеченную мною банановую кожуру, лежавшую на полу. В результате чего я упал и ударился спиной об острый угол кровати»...

Немая сцена. Так сказал бы классик.

Полупустое метро несёт меня на другой конец Москвы.

Вагон старается укачать меня.

Я закрываю глаза.

Я вижу Женьку с Левого Берега: на его мокром от праведных слёз лице отображены боль за товарища и смелый вызов несправедливому устройству нашей жизни.

Вижу загадочную усмешку Жеки Белова и почти не вижу его глаз.

Вижу доброго Сашка, кладущего на мою тумбочку кусок сала...

...склонившегося надо мной курчавого командира...

...красотку-эфиопку, спешащую ко мне со шприцем...

...оскалившегося беднягу- майора...

- Чигир йелем, пеньки! Всё туруно! Шутка!

Roger. Wilco

«Росли в полку три дуба: начфин, начхим, начклуба. И маленький дубочек – военный переводчик»...

Предписание

Это сейчас молодые люди, игравшие в детстве в компьютерные игры, знают эти слова Roger Wilco: так звали главного персонажа в игре Space Quest. Шутка, конечно. В переводе с английского эти слова означают: «Понял. Выполняю» и употребляются в радиообмене. Радиообмен мы на военке, конечно, проходили, но то, что эти два слова станут основными в нашем английском лексиконе в течение двух лет – мы даже представить не могли...

Оказывается, есть такая профессия, или специальность – бортпереводчик. Сугубо военная: ГВФ²³ как-то эти два слова плюс ещё 48 смог освоить, а ВТА этим делом заниматься некогда: нельзя отвлекаться от боевой и политической подготовки. Да и куда девать всех этих переводчиков – и призывать их все равно надо...

Серёга – бравый парень с ХТЗ²⁴. Мы учились на одном курсе, но в разных группах. Ему явно «за масло», что нас призвали в ВТА. У него и внешность – даже ещё в гражданке – уже почти военная: выправка, плечи с разворотом, вид такой долдонистый, уверенный и серьезный, резко по сторонам головой крутит, как будто обстановку оценивает. Индюк ещё тот.

Мы встречаемся на Ярославском. Народу тьма, и понятно, что билетов никуда нет и не будет никогда. Всегда на вокзалах нашей необъятной родины мне казалось, что людей, сидящих дома и никуда не едущих, у нас почти нет: всем надо ехать на поезде. А как только люди попадают в вагон, им сразу надо есть курицу, вареную картошку, яйца вкрутую и соленые огурцы. Как будто только ради этого они в вагон и рвались.

«Так, - неизвестно откуда взявшимся командным голосом произносит Серёга, покрутив своей большой круглой головой и оценив обстановку, - нам в воинскую кассу надо – у нас предписания».

Я не могу оторвать от него взгляда: откуда что берётся? Грудь и глаза навывкат, пострижен так, что волос почти не видно - только топорщащиеся в стороны уши, тоже большие, в большой крепкой ладони – предписание. Родина может спать спокойно – на службу заступает Серёга.

Нормандия-Неман

Вокзал города И – стандартный, такой же и в городе К, и Л, и М, и Н: кассы, буфет, бюст Ленина в зале ожидания, Ленин – в полный рост на привокзальной площади, приглашающий вернуться в вокзал, остановка троллейбуса и автобуса. Берём частника.

- На чёрной волгочке поедим?

Наша в/ч – за городом. Проезжаем мимо пятиэтажек из красного кирпича довоенной постройки. За ними – лес. Военторг. Столовка. У КПП и ворот с большой звездой расплачиваемся с шофёром.

- Надо сначала позавтракать. Вот там столовка – уже открыта.

Столовка – тошнилочка из худших, еды почти никакой, что мы объясняем гражданским характером заведения, ведь оно за пределами в/ч. Впечатляет отдельный буфет, где вообще ничего нет, кроме 3-литровых банок с надписью на наклейке «Портвейн».

Время от времени появляются посетители – прапорщики, подъезжающие на велосипедах: правые штанины у них стянуты прищепкой – чтоб не пачкались и не цеплялись о цепь.

²³ Гражданский воздушный флот

²⁴ Харьковский тракторный завод. Имеется в виду жилой район около ХТЗ

Ведут они себя одинаково: быстро подходят к буфету и выпивают стакан портвейна, который, ни о чем не спрашивая, наливает буфетчица. Затем - уже более уверенной походкой - они возвращаются к велосипедам и уезжают в направлении КПП. Я удивляюсь.

- Во бля, они что теперь – на аэродром поехали?

Серёга уминает уже второй сочник.

- Ну, а чё? Им же не летать, а руки теперь зато не трясутся – гайки крутить.

Произносит он это, однако, не очень уверенно.

Выходим на улицу. Серёга читает обращает внимание на табличку на стене дома из красного кирпича, объявляющую о том, что во время войны здесь была расквартирована эскадрилья «Нормандия-Неман».

- Вот так, понял? А теперь мы будем расквартированы!

Серёга доволен сделанным для себя приятным открытием.

Легко – макароны по-флотски и два сочника съедены недаром – он подхватывает свои два чемодана.

- Ко мне же Антонина скоро приедет – когда квартиру дадут, - объясняет Серёга, - поэтому у меня вещей больше.

В штабе нас направляют в строевую часть. Ничего общего со строевой подготовкой, к моему облегчению, она не имеет. Что-то вроде канцелярии, или отдела кадров. Состоит из одного капитана, рядового-писаря и двух комнат со стеллажами. Капитан имеет озабоченный вид и постоянно курит. Едва поглядев на нас сквозь табачный дым, забирает наши бумажки и передаёт рядовому – прыщавому парнишке в очках.

Скоро мы узнаем, что эти два человека – одни из самых главных в части.

- Пока идите в комнату для переводчиков, на второй этаж. Старший лейтенант Лисицын вас проинструктирует. Мы вас пока поставим на довольствие.

При словах «поставим на довольствие» Серёга издаёт лёгкий стон, как будто ему сделали минет. Интересно наблюдать за человеком, у которого мечты сбываются одна за одной.

Аляска-Индонезия

В комнате переводчиков переводчиков не оказалось: несколько письменных столов, книжная полка со словарями и карта СССР во всю стену с затесавшейся Аляской в правом верхнем углу. На карте нарисованы красной краской жирные стрелки с военно-транспортными самолетами, летящими из города И на Аляску в случае начала третьей мировой войны.

Серёга останавливается перед картой, широко расставляет ноги, засовывает руки в карманы и долго смотрит на неё.

- Так, - наконец произносит он, как бы давая понять, что маршрут он изучил и запомнил. Каждый солдат должен знать свой манёвр.

В комнату заходит высокий худой молодой человек. У него добродушное круглое лицо и редкие чёрные волосы. Он улыбочив, и когда улыбается, его узкие глаза почти исчезают. Его легко можно принять за малайца или индонезийца.

- Андрей, - представляется он, - Андрей Лисицын.

Андрей – старший лейтенант, кадровый военный, закончил ВИИЯ²⁵.

- У меня первый – индонезийский, английский – второй, - начинает знакомство Андрей.

Мне это кажется интересным. Про ВИИЯ ходило множество легенд, но я теперь воочию вижу, как тщательно там подходили к подготовке: военный переводчик не только должен знать иностранный язык как носитель языка, он должен выглядеть как носитель языка.

- У Мишки первый – финский.

Мишка – ещё один наш коллега, тоже из ВИИЯ. Я ещё не видел его, но догадываюсь, как он выглядит. Переводчика с первым ивритом тоже можно легко себе представить. Иное дело - банту, или суахили.

- Я должен был в Индонезию ехать, но генерал Сухарто²⁶ предал, как вы знаете, дело социализма, выгнал наших специалистов и переориентировался на Америку.

Серёга потрясён. Он не знал.

- И что ж теперь будет?

Голос его дрожит от переполняющего его возмущения.

Андрей улыбается и качает своей круглой, как у фигурки нэцкэ, головой.

- Да ничего, стараюсь не забыть индонезийский, повторяю.

- А что с Финляндией? – с новой тревогой спрашивает Серёга.

- Пока нормально. Мишку обещают откомандировать туда через какое-то время.

Серёга облегченно вздыхает: ему достаточно перенесённого потрясения от новости про Индонезию.

- Так что служим здесь, летчики – люди достойные, службой не изнуряют. Дело своё в экипаже делай – и все довольны. Радиообмен на английском вы изучали, тут вот ещё книжица есть – повторите. Язык особо и не нужен: request clearance to taxi, request clearance to take off²⁷, roger, willco – почти весь вокабуляр. Как бы английский не забыть.

Серёгу этим не запугать.

- А мне радиобмена хватит, - машет он рукой. – В самолете как – техника не сложная?

- Есть кнопка. Установлена в отсеке бортехника по АДО. Нажимаешь – и говоришь. Радист частоты переключает, или ты сам на место радиста садишься, за границей тот все равно отдыхает. Сейчас, в основном, летаем в Сомали: Сиад Барре²⁸, как вы знаете, друг Советского Союза.

- Ну, и как там – в Сомали? – интересуется Серёга.

- Нормально, наши бивни привозят, одеяла верблюжьи, сувениры, побрякушки для жён. Ну, джинсы, понятно. Сам Могадишо – ничего особенного.

- Там слонов много?

- С самолета можно иногда видеть. Наши асы даже снижались, чтобы их погонять по саванне.

²⁵ Военный институт иностранных языков

²⁶ Президент Индонезии

²⁷ Прошу разрешения на предварительный, разрешите взлет, понял, исполняю (англ.)

²⁸ Президент Сомали

Андрей ведёт нас представить начштаба. У подполковника оказывается фамилия Рюшин и антивоенная внешность: добрые темные глаза и густые, будто приклеенные, брови. Седая голова. Еще приклеить бороду – и получится Дед Мороз.

- Так, ребята, мест в офицерском общежитии пока нет, – так что давайте идите в Боголюбово и ищите комнату. На месяц, думаю, не больше.

Он смотрит на нас почти ласково и как бы извиняясь за временное неудобство. И за то, что в мешке у него не осталось для нас подарков.

Боголюбово

В Боголюбово – по указанной Андреем тропинке – идем через лес. Лес чистый, сосновый, но любоваться нет сил, потому как навьючены по полной: на складе нам выдали обмундирование. Каждый получил шинель, плащ, форму повседневную, форму парадную, форму полевую, сапоги хромовые, ботинки, нижнее белье летнее, нижнее белье зимнее, фуражки на все случаи жизни, шапку-ушанку.

Как все это сносить за два года?

- Почему два года? – Серега ставит чемоданы наземь. Мы смотрим с моста на речку, текущую через лес между крутыми берегами. С речки Серега переводит взгляд вдаль – за лес, как бы стараясь разглядеть, что там – за ним. Легкий ветер шевелит его короткий русый чуб. Кажется, что он смотрит в будущее, видит его.

Серега делает довольный выдох. Увиденное, должно быть, ему понравилось.

- Нет, я – все, приехал, в армии останусь. Следующим летом поеду в отпуск в Харьков, надену форму, пойду в универ, зайду к декану и скажу: «Вот у меня здесь, – Серега с силой хлопает ладонью по своему плечу – две звезды, – здесь – две звезды, – хлопает он по другому, – и пошли бы вы все куда подальше со своими герундиями. Потом найду этого еврея Долингера и вытру об него свои уставные туфляки.

Я задумываюсь и понимаю, что и я был бы не прочь вытереть «об» Долингера – нашего преподавателя устного перевода – туфляки. И не потому, что требователен был слишком. Просто зануда редкостная. И голос – тонкий, гнусавый. Ему нужно было письменным переводом заниматься.

Ну, и внешность опять же. Посмотрев на него, Швейк не смог бы сказать: «Иной еврей и не виноват в том, что он еврей».

Долингер был виноват.

Серега серьезнеет.

- Так, значит, вот здесь это было?

- Что было?

- Ну, ты рассказывал, что вот здесь учредили первый совет рабочих и крестьян.

- А, ну да, здесь – вон под тем кустом.

- Да ладно...

- А чё? Место красивое, выпили-закусили и учредили. Точно там. Поэтому город назвали «городом первого совета».

- То есть это мы сейчас на этой легендарной ... как она называется?

- Красная Талка.

Серега смотрит на медленно текущую реку.

- А чего красная?
- Цвет революции, до неё была просто Талка.
- Понятно, - Серега разворачивает плечи и делает глубокий вдох, как бы укрепляясь ещё более в объявленном решении.

Мы идём дальше. Вдали – за лесом - виднеется деревня. Серега идёт упругим и бодрым шагом и в этот момент похож на сильного и выносливого мула. Себя бы я сравнил с верблюдом, прежде всего из-за сутулости, но верблюд – слишком большое – по сравнению с мулом – животное.

Я, скорее – осёл.

Я упрямо не хочу идти навстречу своему будущему.

А мул вот-вот перейдёт на галоп.

В Боголюбово Бога, возможно, любят.

Людей – типа нас – не очень, смотрят волком -«ничего не сдаём, кто сдаёт – не знаем».

Наконец находим бабку, которая соглашается сдать нам отдельно стоящую от дома летнюю кухню.

Радуемся, но недолго: кухня – фанерная холобуда, в которой помещается одна кровать, рассчитанная на одного человека (и я предчувствую, какого). Вторая кровать стоит снаружи под узким навесом.

Бросаем жребий – все по честному – и на кровати внутри будки уже лежит Серега в зимнем нижнем белье с начесом.

К вечеру холодает. Ложусь спать в шапке-ушанке – очень пригодилась.

Ведро

Постепенно – по мере их возвращения из Сомали – мы знакомимся с остальными переводчиками.

Наш старший – капитан Чумак – старший во всех отношениях: зрелый мужчина, степенный, всегда спокойный. Спокойствие передаётся другим: по крайней мере, мы с Серегой успокоились и поверили, что все у нас на службе будет хорошо.

Собственно, все наставления, которые мы услышали от капитана Чумака, свелись к единственной фразе: «Ребята, все будет хорошо».

Миша оправдал мои прогнозы: невысокий, крепко сбитый, редкие светлые с рыжиной волосы. Правда, на этом сходство с лапландцем заканчивается: у Миши оказывается весёлый нрав, любит пошутить и посмеяться, в том числе над моей и Сашиной невоенной внешностью, но делает это незлобно. Миша холостяк и живет в офицерском общежитии.

Ещё есть капитан Майоров. Он тоже значительно старше нас. По профессии – авиаинженер, английский выучил заочно. С нами он почти не общается, и вид у него почти всегда печальный – возможно из-за того что понимает: в городе И его шансы уравнивать фамилию со званием равны нулю. Оживляется, когда вспоминает свою службу наблюдателем ООН на Ближнем Востоке.

Мы бываем в гостях у семейных капитанов. У них отдельные квартиры с одинаковым набором заморского добра: слоновьи бивни, отбелённые кораллы, статуэтки из слоновьей кости, тумбочки и табуреты, обтянутые кожей, морские ракушки, сосуды и пепельницы из черепашьих панцирей.

Жены – милovidные тихие женщины – тоже в одинаковых красивых розовых, простроченных квадратиками, халатах и одинаковых париках. Носки, правда, разные, а у жены Майорова, ещё и правый и левый носки - разные, что ещё больше печалит ее мужа. Он старается отвлечь нас от них рассказами о наблюдении Ближнего Востока, но в конце просто отправляет жену в спальню.

Но все это несерьёзно: мы, двухгодичники, должны проставиться и нормально посидеть. Посидеть решено в гаражах, вернее в гараже капитана Чумака. Ещё тепло и можно хорошо отдохнуть и сплотиться как коллективу.

В городе И очень много водки, а еды в магазинах почти нет: только хлеб и консервы. Наверное, поэтому кажется, что пьяных здесь значительно больше, чем в Харькове, где народ закусывает как следует. Зато нужный эффект достигается гораздо быстрее.

Но у нас проблем нет: семейные приносят домашней еды, мы – то, что купили в магазине, т.е. водку, хлеб и консервы.

Гаражи – в знакомом уже для нас месте: в лесу, недалеко от Талки. Завидев гараж капитана Чумака и стоящую в нем чёрную Волгу, Серега стал что-то излучать, радостную надежду, что ли. Возможно, он уже присматривал здесь место и для своего гаража или даже видел его.

Мы рассказываемся на складных стульях и ящиках вокруг маленького столика. Пьем за дружбу, службу, советскую авиацию и здоровье всех.

Мы узнаем массу полезной информации.

Летчики – отличные ребята и переводяг вообще никак не гнобят.

Главное: перед посадкой правильно услышать от диспетчера, записать и передать командиру QNH – аэродромное давление, приведённое к уровню моря, без чего могут быть неприятности типа «самолёт разбился».

Наши летчики – профессионалы своего дела, то есть очень хорошо летают. Покупать аппаратуру – магнитофоны, магнитолы и пр., а также японские часы - только в дьюти-фри в Адене.

Аден – столица Южного, социалистического, Йемена. Мы всегда там садимся заправиться.

А также оправиться: в наших самолетах туалет не предусмотрен.

Но есть ведро.

У борттехника по АДО.

До Адена лететь часов 10, беспосадочно.

В ведро можно поссать, если уж совсем припечет.

А так – можно в Адене под шасси сразу после посадки, вокруг – пустыня.

Короче, не ссыте, хлопцы, все будет хорошо.

С каждой рюмкой мы все больше вливаемся в коллектив.

С нами вливаются и двое вновь прибывших из Горького двухгодичников.

Максим – лыжник, кандидат в мастера спорта. Статный, высокий, атлетически сложенный. Волосы курчавые, русые, нос прямой, почти без переносицы. Он кажется мне похожим на грека, а если вместо лыж дать ему диск – то даже древнего грека. На меня он смотрит с каким-то сожалением. Так смотрели спартанцы на дефективных новорожденных перед тем, как бросить их в пропасть.

Второго зовут

Саша

Саша. Саша Минин. С такой фамилией он приехал в нашу в/ч из Горького. То есть из Нижнего Новгорода. Даже трудно поверить.

Как и его легендарный однофамилец, Саша твёрдо знает, что ему необходимо от жизни. Много уже достигнуто: с отличием закончен горьковский иняз, милостивую жену и двоих сынишек он привозит в собственной машине Лада. Машина куплена на деньги, заработанные во время студенческой стажировки в Иране, где Саша работал с геологами. Жена и дети были достигнуты ещё до стажировки.

У Саши очень большая голова. Я считал свою голову большой – 61-ый размер. Сашина голова 62 -го. Она сразу же бросается в глаза своей инконгруэнтностью: все остальное, по крайней мере на поверхности, у Саши маленькое: ноги, руки, туловище. Но крепко сбит, коренаст. Светлые, почти белые волосы и квадратная, решительная челюсть. В ВИИЯ он бы учил финский – это точно.

Однако финский не входил и не входит в Сашины планы, которые уже заготовлены на всё обозримое будущее.

Саша старше меня на пару лет и считает своим долгом наставить меня, как друга (а мы сразу становимся друзьями), на путь истинный.

- Слава, - тон у него решительный, не терпящий возражений, - в армии нужно обязательно вступить в партию.

- Это ещё зачем?

- Ты про курсы переводчиков ООН слышал?

- Нет.

- Курсы при институте Мориса Тореза. Годичные. В Москве. Распределение на работу в ООН в Нью-Йорке, Женеве и ещё в других места. Партийность обязательна. Без этого даже к вступительным не допустят. Армия – единственная возможность через год стать кандидатом, потом с характеристиками отсюда – куда-нибудь на производство, где вступаешь уже в партию. Понятно?

Я задумываюсь, но ненадолго. Какая там ООН? Здесь Антеи ревут – то ли в Африку дело социализма защищать полетят, то ли по утверждённому маршруту на Аляску рванут с десантом, а мы здесь про ООН говорим?

Я говорю это Саше в шутку, хотя ООН действительно представляется здесь чем-то несуразным.

Однако Саша реагирует совершенно серьёзно.

- Слава, на Аляску никто не полетит (откуда он знает? Что, он карту не видел?). В Африку летаем, заработаем характеристики и деньги. Тебе нужно накопить на кооперативную квартиру в Харькове. Потом выгодно продашь, когда устроишься в МИД в отдел переводов и переберёшься в Москву.

Мне становится смешно.

- Слушай, а семью мне заводить надо?

- Обязательно. Холостого тебя в ООН не откомандируют. Партия и жена – это твои задачи на ближайшее время.

- А дети – тоже обязательно? И сколько? Какой-то есть минимум?

- Дети – факультатив. Советую завести двоих. Больше шансов, что из кого-то толк будет. У тебя мальчики будут, думаю.

- Это почему же мальчики?

- У нас, рыжих, обычно мальчики получаются.

Я смотрю на белокурую Сашину голову и надеюсь, что его самооценка является исключением из правила. Ещё я понимаю, что возражать Саше не нужно, а нужно купить блокнот и в нем записывать то, что говорит Саша, а на обложке написать: «Моя жизнь». Троцкий не обидится, думаю.

Его жена Леночка – милая, боготворящая Сашу (я ее понимаю) блондинка. Вернее, не Сашу, а Сашеньку: она только так его называет. Смотрит на него снизу вверх, ловя каждое слово (память хорошая - блокнот не нужен). Это, между прочим, удивительное дело, учитывая то, что она выше Саши на полголовы. Впрочем, и детей Лена называет ласково-уменьшительно - Мишутка и Ромашка - и не отдаёт предпочтения кому-либо одному, не зная пока, у кого больше шансов «стать толковым».

Сашу с семьёй поселяют в коммуналке в доме с той самой табличкой на фасаде, которая напоминает о проживавшей здесь эскадрильи «Нормандия-Неман». Двое соседей, тоже семейных.

Мы выпиваем по паре рюмок за счастье на новом месте, и я отправляюсь к себе под навес в Боголюбово.

Моне

Под навесом становится все хуже. Ночи холодные, и прежде, чем улечься, я надеваю поверх нижнего белья шинель. Кстати опять приходится шапка-ушанка, в ней тепло, особенно, если завязать тесемки под подбородком. Нерадостно просыпаться и видеть дождь на расстоянии вытянутой, и даже не очень, руки. Он скатывается стеной с края навеса, образуя пелену, сквозь которую сад становится похожим на картину Моне. Даже бабкин деревянный сортир приобретает нежные очертания. Наверняка, у Моне есть что-то подобное, какой-нибудь «Cabinet de toilette rustique sous la pluie à Argenteuil²⁹». Cabinet отворяется со скрипом, и Моне навсегда покидает Боголюбово. Из сортира появляется зонтик, за ним - Серега в зимнем нижнем белье. Но зонтик уже не нужен: дождь ушёл вслед за Моне.

- Чего читаем?

Вот кто сказал, что Сереге чужда литература? Внешность обманчива. Любит он чтение, причём чтение групповое, чтоб все вместе, в избе-читальне. Отсюда и вопрос: «Чего читаем?»

- «Порт-Артур».

²⁹ Деревенский туалет во время дождя в Аржантее (фр.)

- Ну, и чё с ним?
- Сейчас уже ничего, даже названия не осталось.
- А чё было?
- Был русский порт на Желтом море. Русские его обороняли от японцев 11 месяцев и в итоге сдали.
- То есть?
- То есть сдали японцам.
- А сейчас что?
- Сейчас порт у китайцев. Он, собственно, испокон веку у них был. Далянь называется.

Сергея тяжело вздыхает и так же задумывается. Тяжело, то есть. Долго смотрит на свои большие ладони, будто чувствуя, как что-то безвозвратно утекло сквозь пальцы. А, может, думает, помыть ему руки после сортира, или не стоит.

- Так, пора на службу!

Эти слова звучат как приказ, не терпящий отлагательств. И вид у Сергея серьезный и решительный, его не подрывает ни исподнее с начёсом, ни зонтик в цветочках (жены Антонины). Как будто он что-то срочное надумал сделать.

Я хочу сказать, что с Порт-Артуром уже ничего не поделаешь, но не успеваю: Сергей уже в летней кухне собирается на службу.

На службу, однако, можно было и не спешить: новость нас ожидала не из приятных.

Просрали

В комнате переводчиков многолюдно, шумно и накурено. Все переводчики в сборе плюс начсвязи – весёлый капитан, который часто заходит к нам покурить и потрындеть. В своём секретном кабинете он курить не может: там окон нет, все наглухо законопачено от утечки шифров. Сигарет там тоже, по-видимому нет: капитан обычно стреляет у нас.

- Все, ребята, - информирует нас сразу начсвязи, выпуская из себя клуб дыма, - накрылось Сомали! Слоны в безопасности!

Мне кажется, что капитан готов пуститься в пляс: настолько он сегодня весел. Переводчики не разделяют его веселья и курят довольно хмуро. Мы с Сергеем узнаем, что сомалийский президент Сиад Барре переметнулся к американцам, перестал строить социализм и выгнал всех советских специалистов. И вообще предал дело мира и пошел войной на соседнюю Эфиопию.

Ситуация обсуждается довольно долго, и все соглашаются с тем, что Сомали утеряно безвозвратно, и летать туда больше не придётся, но теперь Эфиопия может обратиться к Советскому Союзу за братской помощью в войне с Сомали, которому уже будет помогать Америка, и тогда полеты будут в Эфиопию, тем более, что там свергнут император Хайле Силассие, и к власти пришёл прогрессивный молодой офицер, взявший курс на построение социализма.

Постепенно все успокаиваются и рассаживаются за столы: кто читает, кто листает газету. Уходит уставший от веселья начсвязи.

Посреди комнаты остаётся один Серега. Он стоит, широко расставив мускулистые ноги и засунув руки в карманы, и слегка раскачивается, не отрывая взгляда от висящей на стене карты, на которой всё, всю Землю занимает Советский Союз, оттесняя в угол маленькую обреченную Аляску.

- Да, - после долгого созерцания произносит Серега, и все замолкают.

- Да, - повторяет Серега, - просрала Россию. Сначала Индонезия...

Он делает паузу.

- Теперь это Сомали...

Серега опять замолкает, стараясь что-то вспомнить.

- И потом ещё этот...Слав, как этот порт?

- Порт-Артур.

- Вот. И Порт-Артур. Просрала Россию.

Булатович

Прогнозы коллег оправдываются: Эфиопия становится братской и ставшей на путь построения социализма в отдельно взятой африканской стране. Менгисту просит оказать братскую помощь. Сомалийцы громят эфиопов и уже взяли Дире Даву и подбираются к самой Аддис-Абебе.

Мы начинаем помогать. Рассказывают, что в Эфиопии уже работает эскадрилья АН-12-ых из Пскова.

Образуется и второй брат, точнее, сестра: Куба. Кубинцы делятся чем могут, а именно – солдатами, которые быстро останавливают сомалийцев.

Какое совпадение: как раз в эти дни в мои руки попадает книжица издательства «Наука» о Булатовиче – русском офицере, который с отрядом казаков привёз госпиталь Красного Креста из Одессы в Аддис-Абебу.

(Кстати, мы будем называть Аддис-Абебу АДДИСОЙ).

Из Одессы - в Аддису.

- Так, значит, мы уже тогда, в 19-веке, помогли Эфиопии?

Это – Серега, который уже задал вопрос «Чего читаем?»

- Ну, да, история повторяется. Только тогда была поначалу активная дискуссия.

Газеты печатали статьи: «На что России Абиссиния?» Или: «Поможем африканским православным братьям!»

- Там были православные?

- Они и сейчас там, у них православие веков так на пять постарше нашего.

- Да ладно.

- Точно тебе говорю. Их попы в Ленинградской семинарии учатся.

- Ну, то понятно.

Серега немного успокаивается. Он очень восприимчив к новой информации.

- Так на них тогда тоже напали!

- Они с итальянцами воевали, за Эритрею.

- За что?

- Напали на них итальянцы, короче. Битва была страшной, итальянцы с ружьями и пушками, эфиопы – с луками и пиками. Очень много было раненых, Россия вот решила

послать Красный Крест – лечить и эфиопов, и итальянцев. И тут образовался поручик Булатович со знанием амхарского. Между прочим, в нашей Альма Матер амхарский тогда преподавался.

- Да ладно...

Я замолкаю. С Сереги хватит пока. Втайне он, наверное, рад, что амхарского, этого языка со слоговым алфавитом, в нашем университете больше нет. Ему английского с французским было более, чем достаточно.

Учитывая его ранимость, я замалчиваю тот факт, что амхарский относится к семитской семье языков.

Лично я сильно сомневаюсь в том, что Булатович так удачно вдруг возник для того, чтобы отвезти миссию Красного Креста и стать ближайшим советником императора Менелика второго. Задолго до битвы при Адуа он годами изучал Абиссинию и стал чуть ли не лучшим амхаристом в России. Скорее, Красный Крест ему подвернулся.

Сейчас эта больница в Аддисе называется Valcha Hospital.

Скоро я там окажусь.

И чтоб никто не догадался

Мы получаем на складе форму гражданской авиации – брюки, китель, пальто, фуражку и чёрные ботинки. Мне достаётся китель с двумя лычками, а пальто – с двумя с половиной. Что означают эти лычки – без понятия. И почему на моем пальто больше лычек, чем на кителе? Чтоб теплей было? Я спрашиваю прапора-кладовщика, не должно ли быть соответствие между кителем и пальто. Прапор отмахивается: «Бери, других больше нет». Я недоумеваю: это ведь как если бы у меня на военном кителем были лейтенантские погоны, а пальто надеваю – хопана! – и я полковник. Прапор задумывается. Вернее, чешет затылок. «Ну да, но польт больше нету».

Я уйду в надежде на то, что меня за два года не разоблачат.

Вообще с конспирацией дела обстоят неважно. Мы должны летать за границу в форме гражданской авиации на самолетах, раскрашенных под Аэрофлот. Но с кабиной стрелка сзади ведь ничего не сделаешь. Пушки каким-то образом демонтируют, но стрелок же там все равно торчит. Что говорить любопытным, если такие объявятся? Что вот, мол, не хватило места впереди для одного члена экипажа, конструктор ошибся в расчетах, и пришлось построить отдельную кабинку в хвосте.

Впоследствии нас проинструктируют: на вопросы любопытных нужно отвечать, что человек в хвосте осуществляет визуальный контроль за работой закрылков.

Я предполагаю, что у стрелка должно быть своё ведро.

Итого два ведра на самолёт.

Интересно: на них номер части случайно не написан?

Геркл и парашютная подготовка

Прощай, Боголюбово! Сереге дают комнату в коммуналке, к нему приезжает жена Антонина. Переползти из-под навеса в заветную будку я не успеваю: меня поселяют в офицерском общежитии. Вернее, подселяют в одну комнату с Мишей. Миша, конечно, не

очень счастлив, но особо вида не показывает: ведь он, практически, уже финн – само спокойствие. Никогда не шумит, много занимается финским, старается не забыть. Я ему не мешаю.

Мешают другие. Часто заходит начфизподготовки Костя Стоилов. Усики и шаловливые глазки. Так должен был выглядеть поручик Ржевский, наверное. Время от времени Костя делает резкий кивок, от чего фуражка подвигается вперед, козырёк съезжает вниз, и общий вид становится более лихим. Фуражка же упрямо перемещается назад к затылку, и Костя резким кивком возвращает ее нужное ему место. По моим подсчётам это происходит примерно каждые 10 секунд.

Дел у Кости немного: открыть спортзал для любителей волейбола и выдать лыжи для зимней пробежки по лесу. Дома с женой и двумя детьми ему скучно: он – наш ровесник и полон задора и веселых затей.

Костя часто, то есть каждый день, заходит к нам в комнату – потрындеть, позубоскалить и похвастаться своими подвигами.

Количеством подвигов Костя давно посрамил Геракла. Зато по части их разнообразия отстал значительно. Костины подвиги монотонны и, в основном, сводятся к овладению очередной работницы местного камвольного комбината.

Этих работниц в городе И очень много. Даже мудрое решение партии и правительства разместить здесь воинские части не привело к половому равновесию. Костя снимает работниц либо в ресторане «Родина», либо в ресторане «Звезда». Но чаще в «Родине»: мы все стремимся попасть туда, потому что там поёт любимая всеми Галя. Ее «коронки» - «Листья желтые» и «Один раз в год сады цветут». Эти два шедевра советской эстрады Галя, сама как из песни - «красивая и стройная», поет по заказу много раз за вечер. Хит про сады особо люб многочисленным представительницам камвольного комбината: там поётся о том, как невеста «шила платье белое».

Камвольщицы приходят до прибытия военных контингентов, обычно группами по четыре человека, чтобы занять весь столик. Заказывают скромно: бутылку водки и по салатику, уповая на более достойное продолжение.

Представители различных родов войск подтягиваются попозже: почти все в форме. Разливается водка, поёт Галя. Военные приглашают девушек на танец, затем - к своим столикам – и веселье в разгаре.

- Скоро начнётся, - предупреждает Андрей, который приводит меня в «Родину».
- Что начнётся?
- Хлопки.
- Какие хлопки?
- Сам увидишь.

Это происходит каждый раз, повторяется много раз за вечер. Я скоро привыкну к этому и перестану обращать внимание.

Первый хлопок оглушителен: Галя отдыхает, и в зале относительно тихо. Кто-то из девушек взвизгивает. Я вижу прапорщика, который лежит на полу, продолжая находиться в кресле. Ему помогают встать, ставят кресло в исходное положение.

Не прошло и пяти минут, как опять – хлоп! В другом конце зала повержен вместе с креслом лейтенант.

- Дальше вообще канонада будет, - невозмутимо поясняет Андрей, - здесь кресла не очень устойчивые, и когда человек, да ещё и выпивши, начинает раскачиваться на задних ножках, они опрокидываются. Звуковой эффект ты уже слышал.

И действительно: хлопки раздаются все чаще, но на них уже никто, кроме самих опрокинутых, не обращает внимания. Последние «листья желтые» Галя поёт как под артиллерийским обстрелом.

И «ягодка на торте» при выходе: старый гардеробщик, прежде чем выдать нам фуражки, обильно спрыскивает их изнанку из груши с Шипром.

Мы цветём и пахнем.

Хочется петь: «Ой ты Галю, Галю молодая»...

Вот в такие вечера и совершает Костя свои подвиги. Но в ресторане он долго не задерживается. И на интим и любовные прелюдии много времени не тратит: все-таки человек женатый, нужно и семье уделить внимание.

Поэтому овладевает ткачихами Костя неизменно в подъездах на лестничной клетке.

- Очень хорошо получается, между прочим, - поясняет он. – Ей удобно на ступенях сделать упор руками согнувшись, у меня сзади полная свобода действий. Если маленькая попадает – я ставлю ее на ступеньку выше, если высокая – перемещаю ниже. Хорошо в подъезде. Быстро и удобно. Помните, мы в гости к Сереге Боброву ходили на новоселье? Я там с соседкой напротив на лестнице перепихнулся, пока вы чай пили.

Мишка не слушает его: он не отрывается от учебника и тихонько что-то бормочет. Меня же раздражает любопытство: «Слушай, Костя, а ты при этом «кивать» продолжаешь, или ты фуражку снимаешь?»

Костя смеётся: «А чего ее снимать – только время тратить. Ну, и киваю, наверное, только кто это там видит?».

Видно, однако, что мой вопрос Костю все-таки задел, и он переходит к акту возмездия.

- Что-то я вас на физподготовке не вижу. Это – не порядок, между прочим.

Мишка приподнимает голову от книги.

- Костя, отцепись.

Он произносит, конечно, другое слово, но с той же приставкой и окончанием. Костя несколько раз нервно «кивает», забыв, что он без фуражки. Лицо его изображает интенсивный мыслительный процесс.

И мысль приходит.

- Слав, а ты лётную книжку уже получил?

- Ну да, вон там – на полке.

- Ты там требования к допуску к полетам читал?

- Нет пока.

- А ты давай почитай.

Костя достаёт с полки лётную книжку, раскрывает на нужной странице.

- На, читай.

Я глазам своим не верю. В разделе о допуске к полетам записано: три прыжка с парашютом и клеточки для дат и подписи и место для печати.

- Да ладно, на переводчиков это не распространяется.

- Да? А ты у Миши спроси.

Я вопросительно смотрю на Мишку. Он едва заметно улыбается в пшеничные усы.

- Ну да, вообще.

- Прыгать с Антея, что ли, надо?

- Да не, с двухмоторного, ИЛ-14-го.

Немая сцена. Я временно теряю дар речи, Мишка утыкается в учебник, Костя торжествует.

Я пытаюсь осмыслить прочитанное.

Сделать это до конца не даёт резко – без стука – распахивающаяся дверь. Ее распахивает Саша. Он врывается в комнату как Наполеон, спешащий на совещание со своими маршалами.

- Слав, ты лётную книжку получил?

- Да.

- Ладно, ребятки, вам удачи, а я побежал, - довольный собой Костя исчезает в коридоре.

- Ты прочёл про нормативы?

- Ты насчёт трёх прыжков?

- Да. Я все узнал. Прыгать ни в коем случае нельзя.

- Миша вот говорит, что надо с маленького самолета прыгать – ИЛ-14-го.

- Слава, мы не будем прыгать ни с ИЛ-14-го, ни с ИЛ-15-го.

Мишка падает на кровать, стараясь подавить смех.

- Слава, я все узнал. Прыгать не имеет никакого практического смысла. В самолетах, на которых мы будем летать, нет парашютов.

- Чё – правда? - спрашиваю я Мишку.

- Да, по-моему, нет парашютов.

- Вот, - продолжает Саша, - их нет. Может, у членов экипажа есть, у них комплект. А переводчик в комплект не входит.

- А на складе получить нельзя?

- Во-первых, нельзя. А во-вторых, мы будем летать с разными экипажами, из разных мест – ты что, будешь таскать его с собой?

- Ну да, а что? Это же как рюкзачок такой, за спину закинул...

Мишка не выдерживает и начинает тихо выть – так ему весело.

- Нет, он очень большой и тяжёлый. Короче, парашюта не будет. Спрашивается: зачем тренироваться прыгать с парашютом, если придётся прыгать без него.

- Что ты предлагаешь - тренироваться без парашюта? Мы не сможем сделать три прыжка.

- Не надо никаких трёх прыжков. Надо три бутылки водки. С каждого. По бутылке за прыжок. Я уже купил шесть бутылок, потом рассчитаемся. Пошли.

Ответственный за десантную подготовку – высокий худой капитан – принимает наше предложение совершенно невозмутимо. Он все понимает и знает, что парашюты нам не потребуются.

Мы с Сашей решаем это дело отметить: как-никак три прыжка с парашютом. По крайней мере, наши лётные книжки к полетам готовы.

Но мой первый полет будет не за границу.

Вызываю огонь на себя

Это про мою малую родину, между прочим. Про неё многосерийный телефильм был с таким названием. Про то, как наша разведчица, работавшая в тылу врага, вызвала советский бомбовый удар на себя и аэродром, на котором базировались немецкие самолеты. Тыл врага тогда находился в средней полосе. Аэродром существовал ещё до войны. Существует и сейчас.

Кроме него не существует ничего, что могло бы напоминать вторую половину 20-го века, за исключением железнодорожного полустанка и чайной, которые напоминают первую.

Вся жизнь сосредоточена в гарнизоне. Которой, впрочем, нет, так как командир в/ч ввёл строжайший сухой закон, и распивать спиртное можно только ночью под одеялом. А так – добро пожаловать в чайную.

Зато вокруг – просторы насколько глаз хватает, луга, буераки, перелески. Очень просторно. На этих просторах родился я – недалеко от аэродрома, и в нашем деревенском доме до сих пор живет моя бабушка.

Возможно, звезды выстраиваются в какую-то благоприятную для меня конфигурацию: именно там, в скрытом буераками от вражеского обнаружения, самом трезвом гарнизоне страны, проводятся комсомольские сборы (или слёты?) нашей дивизии.

- Слав, ты свою бабку проведать не хочешь?

Андрей – наш комсорг, и ему нужно кого-то направить от нас делегатом. Сам он туда больше ездить не хочет.

- Вы прилетите туда утром, и сразу начнётся регистрация. Тебе обязательно нужно зарегистрироваться. Потом – свободен до утра. Только на самолёт не опоздай!

- На сборах меня не хватятся?

- Да не, народу будет много, ему там все равно некуда пойти, разве что за грибами, но сейчас зима на носу.

Мы летим на АН-12-ом. Я все-таки - дешевый фраер: на аэродроме уже снег шёл, а я в осеннем плаще и фуражке. В грузовом отсеке зуб на зуб не попадает, задница примерзает к железной скамейке, предназначенной для хорошо одетого упитанного десантника, который сидит на своём парашюте.

Самолёт летит низко, чтобы делегаты не задохнулись от недостатка кислорода в негерметизированном отсеке. Но мы помрем от холода.

В начале отсека вижу «кивающую» шапку: Костя перешёл на зимнюю форму одежды. У него что-то с головой, получается, а не с фуражкой.

Родной край припорошен снегом. С самолета – сразу же в офицерский клуб, где уже идёт регистрация. Отмечаюсь – и полным ходом к выходу на КПП. По дороге встречаю знакомого прапора из нашей деревни. Он подсказывает, как быстрее пройти к шоссе – через дыру в кирпичном заборе. Наверняка она используется для проноса контрабандной водки.

У нас любят военных. Первый же грузовик меня подбирает, и через полчаса и три рубля – я выпрыгиваю на перекрёстке, у которого высится стела с надписью: «Колхоз «Заветы Ильича».

Морозец легкий, и я – легкий. Еще пара километров марш-броска - «вот моя деревня, вот мой дом родной». Впереди маячит женская фигура. Идёт навстречу. Хоть бы Катька: передо мной, таким всем военным, ей не устоять. Нам обоим не устоять.

Нет – Томка. Поравнявшись со мной и узнав во мне меня, она превращается в жену Лота. Через несколько секунд приходит в себя. В глазах – изумление и любовь к военным.

- Слав, это ты, что ли?

- Привет, Том.

- Так ты в армии сейчас?

- В авиации.

- В отпуск приехал?

- Прилетел. Меня на парашюте выбросили, я заодно бабушку проведу.

- На каком парашюте?

- На обыкновенном, десантном. У нас три обязательных прыжка с парашютом надо сделать. Я упросил командира поближе к деревне меня выбросить – им, в принципе, все равно, где выбрасывать. Парашют около шоссе закопал.

Томка замирает с открытым ртом, и я вижу, что в детстве ей удаляли гланды.

- Ой, Слав, ты все шутишь, - смекает наконец Томка, - а мне теперь бежать надо, а то на смоленский опоздаю. Ты на выходные заходи – Катька из города приедет.

- Не, я всего на один день – завтра улетаю. Ладно, пока, Том.

Дорога начинает идти вниз – и вот она, моя родина: речка, озеро, березовый лес на холме, и наш дом – первый слева от дороги на пригорке, обросшем старыми осинами и липами, под ним – луг и речка с ольхой по берегам. И моя бабушка. Она здесь живет одна.

Мой приезд - полная и радостная для неё неожиданность. Но радуется бабушка молча. Она все делает молча. Она может только сказать мне утром: «Попей парного молочка». Или принести в своих скрюченных пальцах корец, полный малины, и сказать: «Поешь ягодок».

С односельчанами она не разговаривает. Думаю, что она замолчала после того, как деда отправили на перевоспитание строить Беломорканал, а все, что у них было, кроме трёх маленьких детей, забрали. И братьев ее, и сестру тоже сослали. Сестра Казимира приезжала один раз – мне было лет 6. Они что-то говорили друг другу, но я ничего не понял.

Я подслушал однажды, как дед её попрекнул тем, что она не заплакала, когда получила похоронку на старшего сына – Вячеслава.

Jeszcze Polska nie zginela

Разговаривалась только один раз.

Я привёз в деревню друга-однокурсника. По каким-то причинам ему понравился польский язык, и он овладел им настолько, что подрабатывал в интуристе переводчиком польского.

Ну, я возьми и скажи: «Серёж, ты скажи бабушке что-нибудь по-польски». Он сказал. И бабушку мою как прорвало: она принялась что-то рассказывать, но я мало что понимал. А в конце стала вспоминать молитвы на польском языке. Оказалось, что помнит их очень много.

Память – удивительная штука. Можно говорить, потому что помнишь. А можно – не говорить, потому что помнишь.

Бабушка готовит мои любимые драники, которые я уплетаю со сметаной. На обед она делает клёцки, тоже мои любимые. Штопает мне носок.

Вечером мы смотрим телевизор, но больше 10-ти минут бабушка не выдерживает и начинает клевать носом. От русской печки в доме тепло, и я скоро ложусь спать.

Утром я целую её розовые морщинистые щечки и убегаю.

Не зря я в комсомол вступал, спасибо ему.

Лётная норма

Антей – АН-22 – самый большой транспортный самолёт в мире. Так говорят, так пишут, и я сам это вижу. Каждый из его четырех двигателей снабжен парой пропеллеров, которые вращаются в противоположных направлениях. Но летит он в одном. Как такая машина вообще поднимается в воздух – для меня загадка.

Я включён в состав экипажа – мы завтра летим в Аддис-Абебу. Таки нужна нам Абиссиния, как и предполагал Булатович. Как мы все и предполагали.

На завтрак я иду в лётную столовую – вместе с экипажем. Не знаю, как дальше пойдёт, но начало мне нравится: официантки в накрахмаленных фартуках и косынках, меню – as long as my arm³⁰: первые блюда (на завтрак! Стрелок-хохол берет борщ), вторые блюда, закуски, салаты из свежих овощей (в городе И, в декабре – ха!), фрукты, соки, чай-кофе и пр.. Пр. тоже можно заказать, с добавкой. Гали очень не хватает.

После завтрака все набивают карманы яблоками, апельсинами и плиточным шоколадом на случай, если мы проголодаемся по дороге на аэродром: туда шагать минут десять.

Я едва иду. Это с непривычки: остальной лётный состав передвигается бодро. Но я боюсь, что теперь мы точно взлететь не сможем.

Мы долго катимся по полосе, очень долго. Я вижу конец полосы: мы все ближе и ближе к нему. Наконец командир тянет на себя большой штурвал, как быка за рога, и наша машина медленно и, как мне кажется неохотно, отрывается от земли.

Стрелок и вправду что-то сказал по внутренней связи про закрылки, но неразборчиво: щось, мабуть, їв³¹.

Набор высоты пологий, лес, речки, деревни ещё долгое время хорошо видны сквозь окошко. Я слушаю эфир: команды диспетчеров и ответы экипажей, радиообмен, который ведёт наш правый пилот. Лексика, действительно, весьма ограниченная.

Присоединение Южного Йемена

³⁰ Длинное, как моя рука (англ.)

³¹ Что-то ел, наверное (укр.)

В Одессе садимся загрузиться, дозаправиться и переночевать. Тепло и облачно. К вечеру выбираемся из гарнизона на трамвае в город. Одесса в центре – как Харьков, только с морем. Быстро смотрим на Дюка, Потемкинскую лестницу, Чёрное море и устремляемся на Дерибасовскую. Ужинаем в ресторане с ВИА, состоящим исключительно из женщин. Заказываем «Листья желтые», «Шила платье белое», котлеты по-киевски. Девушки исполняют душевно и наши заказы, и традиционный одесский набор.

Вылетаем после обеда (опять же по лётной норме, уф), и я почти сразу начинаю выполнять свои служебные обязанности: мы влетаем в турецкое воздушное пространство. Кнопку я осваиваю моментально, радиообмен лёгкий и немногословный: команды диспетчеров набрать такой-то эшелон (по-английски понятнее: flight level), доложить на траверзе таком-то (по-английски также непонятно: abeam). В общем, полет проходит в штатном режиме, кнопка и я работают нормально.

Больше времени у меня уходит на чтение о Булатовиче.

Я поглядываю в окошко: не начало ли светать – любопытно посмотреть на границу.

Любопытно потому, что в универе я иногда сомневался в том, что она вообще существует – граница. Нет ее – и все. И никто из международных аэропортов в другие страны не летает. В лучшем случае, люди смотрят на товары в дьюти-фри и пьют виски в баре. Затем они заучивают легенду о посещении заморской страны и «возвращаются» на родину. «Голос Америки», Би-би-си и другие вражеские голоса передаются и одновременно глушатся где-нибудь в Москве. Солженицын в ссылке в Шушенском. А «граница» нужна для того, чтобы поддерживать наш патриотический тонус, чтобы мы сплотились ещё плотнее в борьбе за дело мира и социализма.

Кто его знает: может, и турецких диспетчеров нет?

Светаёт. Под нами мир, раскрашенный в цвета украинских националистов: пустыня и море. Я поддерживаю связь с дубайским диспетчером – лениво и односложно. Он просит включить самолетоответчик – transponder, чем оживляет общение. Но, видя наш самолет на радаре, вообще затыкается.

Пустыня и море. Арабский полуостров и Персидский залив, который по-английски тоже Арабский. Жадные, видно, арабы. Иранцам и залиться негде.

Очень неглубокие мысли приходят в голову. Это от того, что надо пойти поискать ведро.

Аден – от слова «ад», это я теперь понял. Вышел на трап – меня как в горячий аквариум поместили. Ветер не несёт никакого облегчения – только песок. Кажется, что вязкий липкий воздух можно раздвигать руками.

Борттехник по АДО выливает ведро под колесо. Стрелок ему трошечки підбавив від себе.

Со штурманом идём в аэропорт заполнить план полёта. Проходим через зал ожидания. Пол в нем земляной, на земле вповалку лежат паломники, следующие то ли в Мекку, то ли из Мекки. Видим воспетый в устных преданиях магазин дьюти-фри, блестящий кнопочками и лампочками магнитол. Но нам там делать нечего: валюты у нас нет, и не предвидится. А на рубли ничего не продаётся. Такая валютная политика наименьшего благоприствования вызывает негодование штурмана.

- Вот, Слав, смотри – чёрная неблагодарность. Этот Южный Йемен ещё просит нас сделать его 16-й социалистической республикой. Мы ему и то, и сё, а он нам магнитофон продать не хочет.

- Да зачем он нам нужен, тот Йемен, здесь дышать нечем, и пола нет.

- Да пол можно сделать. Но ты прав – ну их.

(Это я рассказываю уже для потомков, чтобы они знали, почему не состоялось присоединение Южного Йемена к СССР).

Новый цветок на один вечер

«Это не Америка, масса капитан, это – Африка!»

Так говорит в фильме «Пятнадцатилетний капитан» старый негр Том своему хозяину при виде отрезанных рук и цепей.

У Жюль Верна с губ главного героя срываются страшные слова: « L'Afrique ! L'Afrique équatoriale ! L'Afrique des traitants et des esclaves!³²»

Дик Сэнд наконец догадывается что он и его друзья оказались не в Южной Америке, а в Африке. До этого они уже видели бегемотов, жирафов, слонов и слышали рык льва, но все никак не догадывались. Возможно, ожидали увидеть знак или объявление с надписью: «Африка». Или карту мира (только не нашу штабную) со стрелочкой и указанием: «Вы находитесь ЗДЕСЬ». И только когда старый Том обнаружил страшные следы работорговли, путешественников осенило.

Мы летим, конечно, не над экваториальной Африкой, а над Эфиопией – страной Африканского рога. Рог у Африки один, и он находится (или растёт?) на востоке континента. Я знаю об этом, потому что видел, как мы пролетели над Баб эль Мандэбским проливом. А сразу после него – Джибути, а потом – Эфиопия. И я уже поговорил с джибутийским диспетчером и теперь на связи с эфиопским.

Я много думаю о Баб эль Мандэбском проливе. Я представляю себя путешественником, заблудившемся в пустыне по пути к Баб эль Мандэбскому проливу. Наконец, находясь на грани полного истощения, я встречаю караван и спрашиваю у погонщиков верблюдов: «Простите, Вы не подскажете, как мне пройти к Баб ... эээ.. Баб Ээээль... К Баб Эль Мандэ... Баб эль Мандэбскому...

Но поздно: караван уже скрылся за барханом.

Я обречён. Не видать мне Баб эль Мандэбского пролива, не увидеть, как там всё проливается.

Проливаются слезы, между прочим, потому как Баб эль Мандэб по-арабски – это «ворота слёз».

Арабское «эль» передаётся также как «аль». Поэтому можно говорить: Баб аль Мандэбский пролив.

Возможно, проливов два: Баб и Мандэбский. И можно выбрать: Баб аль Мандэбский.

Вот собираются два друга йеменца или джибутийца на пляж, и один спрашивает другого: «Ты куда хочешь: на Баб аль Мандэбский?»

³² Африка! Экваториальная Африка! Африка торговцев и рабов! (фр.)

- На Баб.
- Аль на Мандэбский?
- Не, давай на Баб. Там пустыня лучше.

Внизу пустыня. Ничего и никого. Действительно пусто. Пустые русла рек. В моей голове пусто, её занимают ничемные мысли о Баб аль Мандэбском проливе. Наконец пустыня сменяется плоскогорьем, которое пересекают глубокие ущелья. Растительности становится все больше. Иногда вижу зеленые поля и круглые хижины, похожие на пчелиные улья из сказок братьев Grimm. Печально, что не видно слонов и жирафов: их-то уж можно было бы заметить с высоты.

Что заметно с высоты – так это Аддис-Абеба. Она расползлась беспорядочно разбросанными домами и домишками на всю огромную чашу, окаймленную горами. Я блестяще справляюсь с аэродромным давлением, номером полосы и скоростью и направлением ветра.

Нас отправляют на военную стоянку, что мне кажется нарушением правил конспирации. На стоянке я вижу несколько АН-12-х.

Здесь довольно прохладно, в этой Африке: градусов 20, не больше, и ощущение весны. Иного я и не ожидал от абиссинского плато. В Аддис-Абебе превышение 2500 м над уровнем Баб эль Мандебского залива, а в иных местах ещё выше.

Неужели сбывается моя детская мечта? Сколько раз я перечитывал «Пятнадцатилетнего капитана»? Раз пятнадцать. Раз пятнадцать я читал... «Похитителей бриллиантов»? «Копи царя Соломона»? «Heart of Darkness»³³?

Я пока ничего не видел.

Но я – в Африке. Я все ещё увижу. А пока можно «покурить и оправиться». Последнее возможно в одноэтажном здании, в котором разместился штаб эскадрильи АН-12-ых.

Наш самолёт разгружают. На обратный путь нам подвозят бортпайки явно капиталистического производства: очень аккуратные коробки, в которых коробочки поменьше с рисом и цыпленком, салат, банан, шоколад, банка кока-колы и – все замерли! – 4 (четыре) сигареты Винстон. Правому пилоту очень нравится ярко-красная банка с кока-колой. Бортинженер выкуривает все свои сигареты и жалуется, что они очень быстро выкуриваются: 2-3 затяжки – и все. Он закуривает Яву. Стрелок принимается есть цыплёнка, не ожидая обратного пути. Я следую его примеру, пока еда ещё тёплая. Разогреть её позже вряд ли получится: из современных бытовых приборов у нас только ведро. Хотя нет, вру: у борттехника по АДО что-то есть, он кофе-чай сделать может.

Банан мне нравится, а кока-кола отдаёт лекарством. Я пью исключительно в целях профилактики.

«Поручик, Вы не заблудились?» - раздаётся за моей спиной задорный голос. Я оборачиваюсь и вижу Алика Кокарева. У меня от неожиданности кока-кола через нос чуть не брызнула.

Алик доволен произведённым эффектом. Он стоит, подбоченившись, в летнем голубом комбинезоне, который выдаётся летчикам-истребителям. Как он его себе раздобыл?

³³ «Сердце тьмы» (англ.)

Мы обнимаемся.

- Мы только из Дире Давы прилетели, я вижу – Антей на стоянке. Я у вашего борттехника спрашиваю: «У вас переводчик рыжий?» Он говорит: «Ну да». Я сразу к вам на борт. Welcome to Ethiopia!

Мы вместе допиваем кока-колу и выходим, чтобы вместе перекурить. Алик отказывается от Винстона и вытаскивает из наружного нагрудного кармана пачку Мальборо.

- Ты где такой комбез раздобыл?

- У кубинских летчиков на сигареты обменял. У них же вообще ничего нет. Офицеры еще лихеросы³⁴ получают плюс какие-то гроши – на катикалу не хватит, а солдатики – вообще ничего, калаш в зубы, два магазина изолентой примотал друг к другу, чтоб в бою времени не терять – и вперед!

- Ну, и как вперед – получается?

- Не то слово! Сомалийцы бегут как «зайцы от орла». Они ведь уже на подступах к Дире Даве были. И от Харара их отбили.

Названия мне уже известны. Из Джибути в Харар Булатович проскакал по пустыне на верблюде быстрее, чем местные курьеры. При этом его тошнило от непривычного для кавалериста бокового покачивания животного: верблюдов, в отличие от амхарского языка, в Харькове и Петербурге не было, и Булатович не имел возможности потренироваться.

Из Харара его послали в Аддис-Абебу за разрешением императора Менелика Второго привезти миссию Красного Креста. Опять по верблюдам – на этот раз через страшную пустыню Данакиль.

Место встречи – пустыня Данакиль

Кто не слышал о страшной пустыне Данакиль?

Никто.

Сам Булатович о ней не слышал, пока не увидел. Лучше один раз не увидеть пустыню Данакиль, чем сто раз не услышать.

Самое жаркое место на земле.

Я пытаюсь представить себе Булатовича верхом на верблюде, объезжающего окаменевшие кораллы и гигантские отложения соли. Его тошнит от верблюда, жары, ядовитых испарений от извергающихся вулканов и озёр из нефти и серной кислоты. Уже и верблюда начинает подташнивать.

Но без него Булатовичу ещё хуже. Он понимает это, когда его маленький караван грабят данакильские разбойники (кто о них не слышал?) и отбирают всё: верблюдов, мулов, провиант, воду.

В изнеможении падает бравый гусар на землю.

И вдруг слышит:

- Какими судьбами, поручик?

Не веря ушам своим, Булатович поднимает голову и видит...

³⁴ От «Ligeros» (исп.) – кубинские сигареты

Алика Кокарева.

Шучу, конечно, не Алика, но почти.

Он видит отставного поручика Николая Леонтьева - ближайшего советника негуса, организатора эфиопской регулярной армии на примере созданного им батальона из сенегальских стрелков и русских и французских добровольцев, удостоившегося небывалого дотоле в Абиссинии титула графа Абая и должности генерал-губернатора округов Уба и Бако, тайного поставщика оружия для битвы при Адуа (благодаря ему эфиопы не только копьями воевали), спасителя Абиссинии от колонизации. С группой русских офицеров и отрядом абиссинских конников Леонтьев с боями и потерями вышел на берег озера Рудольф и установил там флаг Эфиопии прямо перед звериным, распахнувшимся уже британским оскалом³⁵.

Леонтьев с караваном направлялся из Аддис-Абебы в Джибути и, переезжая пустыню, спас Булатовича. Может сложиться такое впечатление, что русские только и делали, что сновали туда-сюда по пустыне Данакиль и наталкивались друг на друга. Но это не так. Бывают в жизни счастливые случайности.

Мы курим на стоянке.

«Вот, знакомься, - Алик очерчивает сигаретным огоньком полукруг, заключающий в себе заходящее солнце, горы и наползающий на них снизу город – Эфиопия. Если точнее - Аддис-Абеба, по-ахмарски – Новый Цветок».

«А это, - Алик машет в сторону Ан-12-х, выстроившихся в шеренгу на стоянке, - «мы псковские». Скоро и вас сюда пришлют на смену. Смена – 3 месяца. Небольшой перерыв – и снова сюда. Так что мы с тобой здесь еще полетаем!»

Алик окажется прав: я в Эфиопию вернусь еще не раз...

Чайная – Озеро Виктория

Я иду с аэродрома в общежитие и чувствую себя настоящим авиатором: полет прошел успешно, радиообмен освоен, летная норма освоена. За спиной три прыжка, в конце концов.

Навстречу мне идет начштаба: издали хорошо видны его брови.

Я отдаю честь. Рюшин делает рукой, как будто отмахивается от назойливой мухи. Его рот, брови и даже глаза растянуты в улыбке.

Он рад видеть меня.

- Стариков, зайди в штаб – оформить командировку. Полетишь в Уганду. Бабку свою наведишь опять.

Рюшин хитро ухмыляется.

- Завтра в 11:00 туда наш ИЛ-14 полетит. Все, будь здоров.

Я хочу вновь отдать честь, но Рюшин отвергает ее.

³⁵ Флаг, возможно, через какое-то время упал или был украден англичанами, потому как несколько лет спустя Булатович с войсками Менелика II с боями снова выйдет на тот же берег озера Рудольф и тоже установит флаг Эфиопии, вернее, привяжет его к верхушке дерева (прим. автора)

Как хорошо в армии, как хорошо в ВТА!
Вот тебе, бабушка, и снова я...

Хорошо: гарнизон знакомый. Штаб, столовка, общежитие, дыра в заборе. Чайная на полустанке. Шоссейка, попутка, среднерусская возвышенность с березовыми перелесками, лугами, буераками, лощинами - все создает приподнятое настроение.

И посреди всего этого – бабушка в избушке с русской печью и самые большие самолеты в мире.

Командир экипажа – комэск. Он маленького роста и за штурвалом Антея напоминает Гулливера в стране великанов.

Тем не менее дорос до подполковника.

Непонятно, как это ему удалось: с виду совсем не военный, задумчивый, немногословный, предельно вежливый со всеми, в том числе и со мной.

Экипаж относится к нему с трогательной нежностью: после того, как командир поднимает в воздух гигантскую машину, он передает управление праваку и засыпает. Будят его перед заходом на посадку на аэродром Триполи и приносят кофе.

Командир смотрит вниз на город, море, набережную, пальмы и белую полосу прибоя. Смотрит как на что-то привычное, без каких-либо видимых эмоций, как будто под ним не ливийская столица с минаретами и пальмами на набережной, а среднерусская возвышенность со знакомыми буераками и перелесками, железнодорожным полустанком и чайной.

Командир берет штурвал на последней прямой и сажает самолет.

Я почти не чувствую приземления: оно больше походит на прикосновение.

Benvenuti³⁶

В Ливии жарко (все же Африка, пусть и северная), но вполне комфортно: нет такой влажности и духоты, как в Адене. Мы здесь только заправимся, завезем диспетчерам flight plan –и дальше на юг.

Стоим под крылом, укрываемся от солнца, смотрим на приземляющиеся и взлетающие самолеты и ждем машину, чтобы вместе со штурманом съездить на вышку.

Борттехника по АДО привлекает канава у края стоянки.

- Во какая, - говорит он, указывая на ярко-красную банку из-под кока-колы. В его голосе удивительно сочетаются восхищение и неодобрение.

- Слава, вот как это у Вас получается? – раздается за моей спиной голос комэска. Я оборачиваюсь и не сразу нахожу командира, стоящего под антеевским колесом. Он был бы очень эффектной рекламой самого большого самолета. Так смотрятся люди на фото на фоне гигантской секвойи или БЕЛАЗа.

- Вот как это Вы разговариваете на иностранном языке? Должно быть, долго учились? Это же ведь так сложно.

- Да нет, уж точно не сложнее, чем Антей пилотировать.

³⁶ Добро пожаловать (ит.)

- Антей? А что тут сложного? Взлет – посадка, взлет – посадка. Медведя обучить можно.

Может быть, и можно. Только медведь дольше спит. И если его разбудить, даже перед самой посадкой, он будет в очень дурном расположении духа.

Но я ничего не говорю. Я растроган до слез. После бабушки обо мне так хорошо никто не отзывался.

- И экипаж Ваш замечательный. Спорно работают – как часы.

- Зато и отдохнут хорошо.

Командир делает паузу и добавляет: «Наконец».

Последнее слово заставляет меня задуматься. Весь полет экипаж находился в приподнятом, если не возбужденном состоянии духа. Я объяснял это предвкушением далекой и таинственной Африки...

- И Вы Молодец, Слава – добавляет комэск и указывает на приближающуюся к нам группу людей в форме авиакомпании «Alitalia» - но думаю, Вам сейчас придется еще поработать.

К нам идут гости: экипаж DC-10, запаркованного по соседству. Командир так же невозмутим, как и в ситуации со Средиземным морем, минаретами и буераками.

Итальянцы извиняются за беспокойство и просят показать им самолет: такого они еще не видели.

- Да конечно, пусть посмотрят кабину.

Комэск и к итальянцам относится доброжелательно, будто и не проходил инструктаж у особиста по поводу нежелательности контактов с иностранцами. А, может, дистанция от родины его расслабила или уверенность в том, что в экипаже никто не стучит.

Но, скорее всего, он просто человек, который поступает так, как считает нужным. Они с Рюшиным таки изменяют мое мнение о Вооруженных Силах.

Мы показываем итальянцам нашу двухэтажную кабину и предбанник, которым заведует борттехник по АДО. Пилотам разрешают посидеть за штурвалом. Все итальянцы бурно обсуждают увиденное и жестикулируют. Наконец задают вопрос, которого я боялся.

- Товарищ командир, они спрашивают, где здесь у нас туалет.

- Ну, ответьте как-нибудь...обтекаемо...по Вашему усмотрению.

Я усматриваю сортир в кабине стрелка.

- The bathroom is in the back, - говорю я, указывая на дверь, закрывающую вход в грузовой отсек. – It is locked now³⁷.

Иностранцы кивают с пониманием, представляя за дверью сортир и душевую комнату.

- Oh, I think I know where it is! – восклицает самый сообразительный из них. – It is in the very tail, right?³⁸

Right. В хвосте, в кабине стрелка. Сортир с видом. И пушкой вместо сливного бачка. По Alitalia, прямой наводкой – пли!

³⁷ Туалет в задней части. Сейчас он закрыт (англ.)

³⁸ Кажется, я знаю, где он! Он в самом хвосте, да? (англ.)

Иди Амин

При заходе на посадку в Энтеббе мы два раза пересекаем экватор над озером Виктория. По традиции – морской, наверное – борттехник обливает меня водой из кружки, а я – его. Остальные тоже обливают друг друга. Командира, правда, совсем чуть-чуть – окропляют. Он уж не спит, попил кофе и спокойно снижает самый большой самолет над самым большим африканским озером.

Экипаж продолжает пребывать в приподнятом настроении, как будто и не было многочасового полета – думаю, под влиянием сказочной красоты: под нами зеленые холмы, поросшие густым лесом берега, солнечные блики на воде, кажущиеся крохотными рыбацкие лодки.

Я так думаю.

Энтеббе – божья благодать: тепло, светло и мухи не кусают. Дышится легко, градусов 25, не больше.

У трапа нас встречают угандийские военные: судя по количеству лампасов, аксельбантов, позументов, звезд на погонах и тучности тел - генералитет. Нам торжественно сообщают, что после разгрузки нас, а точнее, самый большой самолет, посетит Иди Амин.

- К нам едет Иди Амин, - перевожу я командиру.

- Очень хорошо, - реагирует командир на известие о визите президента Уганды и о чем-то задумывается.

- Большой человек, - наконец произносит он. – Читал про него: бывший боксер-тяжеловес.

- Он приезжает с семьей.

- Вот, еще и семьянин хороший.

- Очень хороший. Сказали, что будет двадцать его жен и около шестидесяти детей.

Командир пожимает плечами.

К самолету подъезжает автомобильный кортеж и два больших автобуса.

Генералов прибавляется. Они мелькают погонами, кокардами и орденами, как разноцветными перьями, и похожи на стаю попугаев. Иди Амина распознать легко. По количеству орденов и медалей, размеру эполетов, кокарды и туловища он превосходит всех.

Мы выстраиваемся у трапа, чтобы приветствовать президента Уганды. У меня в голове всплывает фраза : «Служу Уганде!», но я сразу прогоняю ее.

Не откладывая дело в долгий ящик и обращаясь к нашему прапорщику-стрелку - самому большому и толстому среди нас – Иди Амин заявляет, что он хочет купить самолет, и спрашивает, сколько он стоит. Я представляю командира президенту Уганды и перевожу вопрос. Комэск разъясняет, что этот самолет купить нет никакой возможности, и вообще следует, наверное, обратиться с этим делом в советское представительство.

- Мне очень нравится этот самолет, - продолжает Иди Амин, наклоняясь поближе к командиру для того, чтобы тот лучше его услышал и понял, - он хороший, он очень большой.

- Г-н президент, в каких целях Вы планируете использовать АН-22? – спрашивает комэк нависшее над ним большое лоснящееся лицо.

- Я буду перевозить на нем скот. В нем поместится много скота.

- Понятно. Есть только одна проблема: Вы сможете взлетать со скотом в Энтеббе и с ним же в Энтеббе садиться.

- Это почему? – хмурится Иди Амин.

Попугаи тоже хмурятся и смотрят настороженно.

- Потому что ВПП³⁹ необходимой длины в Уганде всего одна – здесь, в Энтеббе.

- Гм, - заявляет Иди Амин и задумывается.

Попугаи задумываются вместе с ним.

Наконец президент Уганды находит решение.

- No problem, тогда я куплю у Советского Союза другой самолет. А сейчас я и моя семья хотели бы осмотреть самолет.

Он указывает рукой на два автобуса. Из них высыпаются все восемьдесят жен и детей. Женщины в ярких платьях и причудливых тюрбанах, дети разных возрастов и оттенков с радостным гомоном устремляются к трапу.

Голосом обреченного человека комэк просит присмотреть за гостями, чтобы те не причинили большого ущерба материальной части.

Но все проходит успешно. Гости покидают нас с чувством глубокого удовлетворения (“Deeply satisfied”⁴⁰ – сказал на прощание Иди Амин. В автобусах улюлюкали и визжали).

На озере Виктория

Мы ждем: за нами должны приехать.

Подъезжает джип. Из него выходят белые люди и что-то говорят штурману. Я слышу свою фамилию.

Doctor Livingston? I presume?

Такими словами приветствовал журналист New York Herald Стэнли «потерявшегося» в Африке исследователя и миссионера.

На что Ливингстон ответил: «Yes, I feel thankful that I am here to welcome you».

«What a crock of shite»⁴¹, - сказал бы Ливингстон, если бы прочел дневник Стэнли.

Только очень плохой журналист мог придумать такое:

- Доктор Ливингстон, я полагаю?

- Я благодарен за то, что я приветствую Вас здесь.

Шесть лет до своего «нахождения» Ливингстон тщетно искал истоки Нила, исследовал озера Нгами, Малави, Бангвеулу, водопад Виктория и озеро Танганьика, на берегу которого происходит историческая встреча (впоследствии Стэнли вырвет из дневника страницы с ее описанием).

³⁹ Взлетно-посадочная полоса

⁴⁰ Дословно: глубоко удовлетворен (англ.)

⁴¹ Здесь: какая чушь (англ.)

Ливингстон не хотел, чтобы его находили, и возвращаться в Англию не пожелал, несмотря на свои болезни, самой легкой из которых была хроническая амебная дизентерия (на его штанах сзади было несмываемое кровавое пятно).

Он любил Африку, в особенности африканок. Любовь к последним жила в нем до последних его дней. Недуги отступали перед наслаждением от молодого, упругого, необремененного одеждой и предрассудками, тела туземки. Сколько раз с умилением наблюдал он со своей лодки сцены невинных любовных утех, которые открывались его взору на берегах Танганьики. С какой радостью он сам вкушал этой чистой, свободной от стыда и греха, любви: африканки делились собой просто, непринужденно, как делятся лепешкой и водой с утомленным путником. Именно поэтому Ливингстон выступал за отмену рабства, но для того, чтобы его отменили, нужно было найти истоки Нила, что должно было придать ему еще больше авторитета и заставить весь мир к нему прислушаться.

Но истоки Нила, как и сам Ливингстон, не хотели, чтобы их нашли.

- Yes, - говорю я, - I feel thankful that I am here to greet you.

Я произношу эти выдуманные слова и не верю своим глазам: передо мной мой университетский дружок, однокурсник и одноклассник Сережа Починков. Он – тоже двухгодичник и был откомандирован в Уганду работать с нашими военными спецами. Каким-то образом он узнал о прилете Антея и даже о том, что бортпереводчик – рыжий, и уговорил своего командира заехать в Энтеббе (а ехали они по важному заданию в совсем другом направлении).

Мы обнимаемся. Фоткаемся на фоне Антея. Обнимаемся еще раз, и Сережа уезжает.

- Был ли мальчик? – спросил бы Клим Самгин.

Но я не Самгин, мне не привиделось.

Жаль, что встреча была так коротка.

Жаль, что скоро Сереже и всем спецам придется бежать отсюда на всех имеющихся транспортных средствах через всю страну – в Кению: в Уганде будет переворот и война.

Короче, Уганду тоже просрут.

Заслуженный отдых

По дороге в гостиницу нам сообщают, что после поселения желающие могут поехать на экскурсию к верховьям Белого Нила (кто-то таки нашел истоки). Желающих оказывается трое: штурман, борттехник по АДО и я. Остальные хотят отдохнуть после утомительного перелета. Однако признаков усталости никто не выказывает: напротив, все полны энергии. За исключением командира, который уже засыпает.

Причиной эйфории, возможно, является ящик, который занесли в автобус стрелок с бортинженером. При этом они оглядывались по сторонам – думаю, по привычке.

Здесь не надо быть Шерлоком Холмсом: штурман – пожилой и жалуется на гастрит, борттехник – татарин и, скорее всего, мусульманин, мне не дают покоя лавры доктора Ливингстона. Учитывая сухой закон в гарнизоне, чайную, полустанок, на котором редко полуостанавливаются поезда, буераки и дыру в заборе...

Короче, где ж еще отдохнуть русскому человеку, как не в Уганде?

Красота сплошная – эта страна. То тут, то там, но чаще там – на зеленых склонах круглых холмов (rolling hills, как называют их англичане) можно увидеть венценосного журавля – национальный символ Уганды, который также красуется на ее гербе.

Истоки Нила находим легко и быстро (эх, бедный доктор Ливингстон! Булатовича на этот Белый Нил не было – он бы и флаг установил): автобус подъезжает прямо к небольшому водопаду. Мы фотографируемся на его фоне.

Возвращаемся к вечеру. Отель – прямо на берегу Виктории: озеро видно из окна номера сквозь ветви деревьев. Во внутреннем дворике – лужайка, по ее периметру – кресла для отдыха и принятия напитков из бара.

В креслах сидят иностранцы. Они с интересом смотрят на лужайку. На ней – несколько гигантских черепах. Но не они вызвали интерес иностранцев. Около одной черепахи, положив руку на ее круглую спину, спит наш стрелок. Черепаха тоже спит, чувствуя себя в полной безопасности под такой надежной охраной.

Рядом с другой черепахой – размером побольше – стоит на четвереньках правый пилот. Он сосредоточенно наблюдает за движением черепахи и старается идти с ней в ногу (или в лапу).

Нас встречает бортинженер и зовет к себе в номер – поужинать чем есть. Чем есть у нас, конечно, имеется, равно и как чем пить. Водки, тушенки, консервов и хлеба осталось вдоволь.

Так хорошо я давно не отдыхал. Про экипаж я уже не говорю: отдохнули люди за весь свой измученный гарнизон. Командировкой в Уганду все остаются довольны. Deeply satisfied.

Возвращаемся через Чкаловскую⁴², откуда я уже своим ходом. Перед посадкой командир велит закрыть окошки шторами и заходить по приборам. Правак справляется великолепно: когда шторы открываются, ВПП – прямо перед нами.

Эфиопия

«Помочь врагу нашего врага, сделать его как можно сильнее – вот наша главная цель в Абиссинии.»

А.К. Булатович

Сенегальцы в Кремле

Эфиопия таки начинается in earnest⁴³.

Мы туда летаем из разных городов с экипажами АН-12-х.

Во Пскове меня встречает Алик Кокарев.

⁴² Военный аэродром под Москвой

⁴³ По-настоящему, серьезно (англ.)

Помимо него меня ожидает сенсационное событие: в городе появляются толпы негров, в том числе в стенах древнего Кремля. Их лица отливают синевой, и местное население считает, что они, должно быть, из Сенегала. Непонятно, как они появились в таком большом количестве в закрытом для иностранцев городе.

Алик знакомит меня с моим экипажем. Он здесь со всеми on a first-name basis⁴⁴. С командиром опять повезло: он слывет настоящим асом, но безнадежен с точки зрения продвижения по службе: не пьет, не курит и всех посылает на три веселых буквы, невзирая на чины. «Никогда он не станет майором».

Штурман – молодой пацан, остроносый, голубоглазый и постриженный под горшок. В голубых глаза – задор (как окажется - комсомольский), в заднице – шило, все время в движении, все время шутит – не всегда удачно, но от чистого сердца, то есть, по недомыслию. Мы с ним явно споемся, даром что он комсорг чего-то.

Еще Алик знакомит меня с «шайбой» - рестораном оригинальной полукруглой формы. После древнего кремля «шайба» - вторая и последняя достопримечательность города, если не считать сенегальцев. Ее смелый дизайн представляется достойным ответом современной архитектуры старинному русскому зодчеству.

Принесший водку официант раскрывает тайну сенегальского нашествия: всему виной политура, завезенная в хозяйственные магазины из братской Польши. Искушенные конкурентной ценой местные бомжи предпочли ее отечественному денатурату. Но как говорит мой друг детства Витька Червяк: «Нет хуже предателей, чем хохлы и поляки». Последние подмешали в политуру что-то, что позволяло использовать ее лишь по первоначальному предназначению. Бомжи, наивно доверившись производителю из дружественной страны народной демократии, скупили и выпили всю партию. Эффект был, в общем, неплохой, но слишком заметный: за одну ночь бомжи стали сине-черными. Ходили слухи, что некоторые заговорили на иностранных языках.

Все обошлось без летальных исходов, и есть уверенность, что отечественная политура вернет – пусть не скоро – утраченное здоровье.

Ras Hotel

Нас размещают в гостинице «Ras Hotel». Место хорошее: рядом центральная площадь – Пьяцца и все значные заведения – были бы бырры, бырры бы были.

Первый из наших, которого я встречаю в гостинице – Серега, широкими, целеустремленными шагами идущий по коридору. Он уже не в зимнем нижнем белье, а в полосатой пижаме и похож на отдыхающего на курорте в Евпатории 50-х годов. Второпях он жмет мне руку и спешит в номер: «Отдохнуть надо – завтра на фронт лететь».

Фронт

Из здесь два. Один из них – огаденский, там, где война с Сомали, и где кубинские компанейрос успешно гонят сомалийских захватчиков обратно в Сомали. Аэропорт в городе Дире Дава - ближайший к фронту с ВПП, на которую могут садиться АН-12- е.

⁴⁴ Запанибрата (англ.)

Мы летим туда после завтрака и загрузки. Покрытое лесами и изрезанное глубокими ущельями нагорье сменяют голые скалистые горы.

- Вулкан! Командир, вулкан! – взволнованно кричит штурман.

Оживление при виде еще (или уже?) дымящегося вулкана охватывает всех, кроме командира.

Посасывая леденец (он посасывает его всегда), командир едва достаивает взглядом выдающееся природное явление.

- Да пошел бы он на х..., этот вулкан, - пренебрежительно бросает он. – Чего орать так?

Вулкан обиженно кашляет и исчезает из виду.

Посадка исключительно мягкая. Если бы командир не посылал бы всех, в том числе и вулканы, на х..., был бы уже давно комэском.

Пока нас разгружают, эфиопы везут нас в город – пообедать

Гомило

Город симпатичный: белые домики, обросшие густыми кустами с яркими цветами, узкие улицы, закрытые от солнца переплетающимися кронами деревьев, закутанные в белые шаммы люди. Машин мало. Много двуколок, запряженных низкорослыми лошадками или осликами, украшенными разноцветными венками на шеях. На базар ведут верблюдов, нагруженных товаром.

На одном из таких приехал в Харар, который неподалеку отсюда, Булатович. Гумилев приехал на поезде из Джибути. Он ходил по улицам Дире Давы, которые совсем не изменились с тех пор, и собирал этнографические коллекции, а его попутчик Сверчков – насекомых, в том числе сверчков. Собственно, насекомых собирали они оба: для этого необходимо приблизиться вплотную к местному человеку – и тотчас с его (ее) шаммы на вас перескочит пара блох, для которых вы станете лучшим другом. На базаре, где народу много, хорошо видно, как блохи перескакивают с шаммы на шамму в поиске наиболее вкусного тела.

Гумилев близко подходил к эфиопам, спрашивал, что на них надето, или просил что-нибудь спеть, и блохи легко перепрыгивали на него. Гомило (так прозвали здесь нашего поэта) нравился блохам. А эфиопы его вообще полюбили: Менелик подарил ему шкуру черногривого льва, а какой-то начальник – реку (эти экспонаты можно увидеть в Музее антропологии и этнографии).

Эфиопы – симпатичные, вежливые, стеснительные люди, но не без хитрости, и я пытаюсь представить себе сцену дарения эфиопского водотока.

- Гуаденя⁴⁵ Гомило, - дедьязмач⁴⁶ нежно смотрит на поэта своими влажными газельными глазами, - хочу отблагодарить тебя за любовь к нашей стране.

- Да, ну что Вы, гуаденя дедьязмач, не стоит благодарности, это Вам – «амысыгыналле⁴⁷»...

⁴⁵ Друг, товарищ (амх.)

⁴⁶ Генерал (амх.)

⁴⁷ Спасибо (амх.)

- Вот, - указывает эфиопский начальник рукой на поток воды, - я дарю тебе эту реку!

- Мне бы лучше озеро. Чад.

- Озеро не могу, - извиняется дедьязмач, - озеро только Раз может дарить. А чат – пожалуйста, сколько хочешь.

И действительно, чат, он же кат по-арабски - растение, имеющее наркотическое действие – лежит аккуратными веничками на серебряном подносе. Если его пожевать, становится радостно и легко, особенно полезен для солдата: он становится вынослив и смел, а главное – его можно долго не кормить.

Вполне возможно, что после приема у дедьязмача Гумилев «увидел» жирафа:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд

И руки особенно тонки, колени обняв.

Послушай: далёко, далёко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

На озере Чад он так никогда и не побывал.

Каким-то чудесным образом в 1917 г. на основе собранных коллекций эфиопского устного народного творчества – песен, былин, сказок и стихов на древнеэфиопском языке геэз - Гумилев подготовил для Временного правительства документ с анализом военного потенциала Абиссинии.

У поручика Булатовича и поэта Гумило было, по-видимому, общее дело.

Я решил тоже собирать этнографические наблюдения. Первое энтомологическое, правда я уже сделал.

Второй фронт

Он находится на севере – в Эритрее. В ее столицу – Асмару – мы летаем чаще, чем в Дире Даву: в отличие от Огадена кубинцев здесь нет, и победа не столь близка. Война идет с эритрейскими сепаратистами, которых эфиопы называют «шихта» - бандитами. Бандиты хотят отделиться от Эфиопии и жить в собственном государстве. Что для Эфиопии очень нежелательно, так как она лишится выхода к Красному (да и любому другому) морю.

Эритрея – очень гористая, и перебить или даже оттеснить шихту от Асмары очень трудно. Кубинцы это поняли и нашли предлог уклониться от выполнения интернационального долга. Мол, они во внутренних конфликтах не участвуют. Мы же, понятное дело, участвуем, потому как понимаем, что война идет, на самом деле, с Америкой.

Перед Асмарой мы часто совершаем посадку в Дебре-Зейте, на базе ВВС. Дебре-Зейт – совсем рядом с Аддисой, через гору только перелететь, но климат там другой – всегда теплей.

Мне Дебре-Зейт очень нравится. Даже на стоянке красиво: вокруг буйная растительность, лесистые холмы и яркие цветы.

Когда-то здесь извергались вулканы, а теперь в каждом кратере – озеро. Некоторые озера глубиной 50-80 метров. Глубина одного из них вообще неизвестна. Возможно, ее не меряли. Возможно, оно мелкое. На языке оромо эта местность называется Бишофту – «земля, окруженная водой».

- Do not come close to the hippos, - поясняет матолика⁴⁸, предложивший мне показать округу, - they will chase you, trample you and kill you⁴⁹.

- There's no running away from them?⁵⁰

- No. Once they start running after you, they will chase you until they catch up with you, trample you and kill you⁵¹.

Короче, спасения нет, но, по крайней мере, я теперь знаю последовательность.

- They are very protective, you know⁵².

- Maybe they protect the flamingos, they are not trampling them⁵³.

Есть озеро, которое также называется Бишофту. Раз в году из его глубины поднимается волна, и все утопшие за год, в том числе затоптанные бегемотами животные и люди, всплывают на поверхность. В течение нескольких дней воздух отравлен нестерпимой вонью. Отсюда второе значение слова «бишофту» - «отвратительный», или «вызывающий разочарование». Богат и могуч язык оромо.

Асмара

Асмара, как и Аддис-Абеба, находится на высоком плато и окружена горами. Все, что в горах – в руках сепаратистов, у эфиопов города - Массавы и Ассаб на Красном море, и столица.

На посадку заходим, снижаясь кругами прямо над аэродромом, чтобы не быть сбитыми из ПЗРК, которыми сепаратистов снабдили, надо полагать, американцы. Нашему командиру такой заход – семечки, вернее, леденцы. Посасывая их, он легко делает эту спираль и приземляет нашу машину как перышко.

«Мне хорошо с ним», как товарищу Сухову с гаремом басмача Абдуллы.

Нашему лыжных дел мастеру Максиму не так повезло: его командир при посадке тянет на себя штурвал так, что и тянуть больше некуда, и непременно «дает козла», что вызывает обычный в таких случаях комментарий: «Да здравствует советская металлургия» (то есть спасибо, что самолет крепкий и не распался). Говорят, что командир ... блатной, папа у него, что ли большая шишка. Мне один раз довелось с ним летать, и я тоже прославлял отечественных металлургов.

Мне за Максима боязно.

Полетами в Асмаре мы обычно не ограничиваемся. После разгрузки летим на Красное море – в Массаву или Ассаб.

⁴⁸ Лейтенант (амх.)

⁴⁹ Не приближайтесь к бегемотам. Они побегут за Вами, растопчут Вас и убьют Вас (англ.)

⁵⁰ От них невозможно убежать? (англ.)

⁵¹ Нет. Если только они начнут бежать за Вами, они будут преследовать Вас, пока не догонят Вас, не затопчут Вас и не убьют Вас (англ.)

⁵² Здесь: Они защищают свою территорию (англ.)

⁵³ Возможно, они защищают фламинго. Их они не топчут (англ.)

Старая Массава находится на одноименном острове. Ее построили оттоманы из высушенного добела коралла, и здания со стрельчатыми и подковообразными арками выглядят легкими и хрупкими. Это впечатление – обманчивое. Город с самой старой мечетью в Африке не смогли разрушить землетрясения и войны. Только мы с сепаратистами всю эту красоту сможем вскоре расхерачить.

В Массаве мы долго не задерживаемся: шихта на подступах к городу, и скоро смогут обстреливать аэродром из минометов.

Ассаб

Ассаб – тоже на Красном море. Мы его не видим: ни город, ни морской порт. Мы знаем только соляную ВПП, ангар, куда привозят для нас грузы из порта, вышку, похожую на избушку на очень высоких курьих ножках, и пустыню. И все это добро – на берегу самого синего моря – Красного.

У аэропорта оно мелкое, здесь добывают соль и креветок. Соль добывают люди, а креветок – фламинго. Фламинго не счесть, и все они розовые и издали похожи на подарочные изделия для новорожденных девочек. Есть легенда, что они розовые потому, что едят креветок. Многие люди, которые видели креветок только в пивбаре в вареном состоянии (и то, если повезет), в это верят. Псковские бомжи, которые о таких метаморфозах не понаслышке, точно бы поверили.

Единственный диспетчер – худой высокий эритреец, задумчивый и невеселый. Очень вежливый молодой человек, охотно беседует со мной, но постоянно как будто думает о чем-то, не имеющем отношение к предмету разговора. Возможно, как многие его земляки, он думает о том, как отделиться от Эфиопии, но ничего придумать не может.

Его язык – тигреня – родственник амариня (амхарскому), и на слух я их не различаю. Эритрейцы, я думаю, как наши украинцы, и среди них есть мелкобуржуазные националисты.

На политинформации нам объясняли, что мелкобуржуазный национализм и сепаратизм в Эритрее разжигает Запад, который не дает братским народам жить в мире и дружбе. Хотя эфиопские офицеры рассказывали, что у захваченных в плен эритрейцев находили в вещмешках марксистскую литературу. То есть как бы «За родину! За Маркса» получается.

Ассаб – наш курорт. Нам дают машину, и мы едем на пляж. Он начинается недалеко – сразу после мели с фламинго – и заканчивается у Баб-эль-мандебского пролива. Мы проезжаем через деревню: три низких шалаша, обтянутых мешковиной, с двумя мужчинами в чалмах и их гаремом – женщиной и четырьмя козами.

Вдоль пляжа – пальмы, настолько низкие, что укрыться от солнца под ними могут только четыре козы.

Мы экипированы масками и трубками. Лавры оттоманов не дают нам покоя: мы тоже хотим кораллов. Риф – прямо у берега – настоящий сад из кораллов разных форм и цветов. Мы откалываем от рифа куски и вытаскиваем на берег. Заодно знакомимся с подводным миром: коралловыми рыбками (их мы не берем), гигантскими скатами и черепаками. Акулы появляются редко. Они хорошо видны в прозрачной воде, и мы, побросав кораллы, наперегонки плывем к берегу. Правак плавает так быстро, что

продолжает грести руками на берегу. Неплохая тренировка для нашей сборной, между прочим. Утерли бы нос американцам.

Командир на пляж не ездит. У него Красное море – там же, где вулканы и все остальное.

Общее дело

С этим делом поставлено хорошо. Хотя начало было вялое. В части вновь прибывших на службу вызывали к полковому особисту. Молодому старлею было очень скучно, и инструктаж был коротким: «надо быть бдительным и помнить, что мы делаем общее дело».

В Эфиопии «дело» представлено эскадрильскими особистами. Они сменяются каждые три месяца, но «дело» остается общим.

От особиста никуда не деться: он вечно сидит у входа в штаб на скамейке, под которой лежит прикормленная им собачонка (собачонки тоже меняются, но реже). Что называется – не проходите мимо. Мы называем его майор Тихо-тихо. Хорошо, если он с кем-то беседует, и можно по-быстрому прошмыгнуть. А так...

- Можно Вас на минуточку, товарищ лейтенант?

Взгляд приветливый, но чуть уставший: а ну ка весь день песика по голове гладить. Песик жмурится от удовольствия. В эту тяжелую для Эфиопии годину – время войн и потрясений, когда жизнь человека, не говоря уже о собаке, и копейки не стоит – он хорошо понимает свое счастье.

- Так, товарищ лейтенант, Вы понимаете, что все мы здесь делаем общее дело.

Кто бы стал спорить. Это я уже выучил и готов приступить к выполнению.

Но не тут-то было.

- На вас – переводчиках – лежит особая ответственность.

Здрасьте-пожалуйста. А я думал, она на особистах лежит. На то они и особисты.

- Вы знаете иностранные языки и общаетесь с иностранцами.

- Только по службе.

- Ну да, ну да, конечно. По службе вы летаете по всей стране, общаетесь с разными людьми. Они вам что-то рассказывают. Нам важно знать – что. Что говорят здесь о нас, о Советском Союзе, о войне, об эфиопском руководстве.

- Эфиопы об этом со мной не говорят. Они вообще очень скромные и скрытные.

Особист оживляется и начинает еще чаще гладить собачку. Лучше бы я ничего не говорил.

- Вот. Скрытные. Потому, что есть что скрывать. Поэтому надо интересоваться.

Договорились?

- Так точно.

- Вот. И чтобы ничего не забылось – после полетов, не откладывая в долгий ящик – сел и зафиксировал все для нас на бумаге.

- Типа рапорт?

- Ну да.

- Да мы летаем весь день.

- Мы все летаем.

Никуда он не летает. У нас бывают замполиты летающие, но особисты люди исключительно сухопутные.

И на посошок:

- Это очень важно. Это – наш долг. Не забывайте: мы все здесь делаем общее дело.

Паек

Когда мы летаем весь день – в Асмару и Массаву или Ассаб, или в Ассаб и Дире Даву, нам из международного аэропорта Боле привозят тот самый паек, который я уже имел возможность оценить. После субстанций на топленом масле, которые шаманят для нас наши два чирийных солдатика, он кажется изысканным деликатесом. Хотя мысль о супе из органов и липкой холодной каше, которые ждут нас вечером, угнетает изрядно. В такие минуты я завидую экипажам, которые живут на вилле: они могут приготовить себе что-либо сами.

Однажды – «мне этот день не забыть никогда» - мы получили пайки и вылетели в Асмару, чтобы затем лететь в Массаву. Мы не пролетели и часа, даже до траверза Мекеле не дошли, как нас разворачивают обратно в Аддису. Штурман-шутник брякнул в интерком: «Ну все, щас пайки обратно отберут». Все посмеялись. При заходе на посадку командир выпустил закрылки. Стрелок должен визуально убедиться в том, что закрылки выпущены и подтвердить по внутренней связи. Наш стрелок подтвердил: «Закрылки выпущены» и добавил: «Пайок з'їв».

О вкусной и здоровой пище

Окончательное решение вопроса правильного питания находит Алик Кокарев. Мы встречаемся с ним как-то вечером в гостиничном ресторане, чтобы выпить пива. Алик, как всегда, бодр и полон смелых мыслей.

- Слав, - произносит он, оглядываясь на сидящих за столиками постояльцев гостиницы, - а давай больше не будем ужинать в столовке.

- А что – будем голодать, как на востоке Эфиопии? Так нас ООН спасать не будет.

- Ха-ха, смешно. Я серьезно. Ты же видишь, как другие иностранцы здесь питаются? Это я хорошо вижу. Хорошо питаются: кто лопают сочный стейк, кто спагетти болонезе, кто эфиопскую сыга-вот⁵⁴ с энджерой⁵⁵. Как бы они все удивились, если бы увидели в данный момент содержимое наших желудков.

- Смотри, в конце им приносят счет. Они вписывают номер комнаты, расписываются и спокойно уходят. А мы чем хуже?

- Но потом же они платят – когда выселяются. Откуда у нас такие деньги?

- У нас их нет, а у эфиопского правительства – есть. Оно за нас за гостиницу платит. И потом: нас никто не заселяет и не выселяет и не регистрирует. Здесь даже не знают, как нас зовут. Через три месяца отсюда улетаем – по-английски, даже гуд-бай не говорим.

⁵⁴ Отварное мясо в соусе с красным перцем

⁵⁵ Блинчатый хлеб

После пшенной каши с неизвестно от кого взявшимися почками подло делать такие предложения, но возразить мне нечем.

- Сима! – подзывает Алик официанта.

«Сима» - по-амхарски значит «послушай», но все наши считают, что это слово означает самого эфиопа. Поэтому всех местных называют «симами» или «симачками».

Официант слышит и смотрит в нашу сторону. Барским жестом Алик подзывает его к столу.

- Хулет бирра!⁵⁶ And I will have your steak with mashed potatoes, and my friend here⁵⁷

...

- Spaghetti Bolognese , - заканчиваю я фразу.

Так вкусно я давно не ел. Вообще, итальянская кухня в Эфиопии знатная, много можно всякого перепробовать. Я начинаю с самого простого.

Последующие два месяца мы ужинаем только в ресторане.

Спасибо Алику и итальянским оккупантам.

Фашистское наследие

Еще от итальянцев осталась Асмара – бывшая столица бывшей итальянской Эритреи. До 20-го века этот населенный пункт был деревня-деревней, пока итальянские захватчики не устроили в нем свою столицу. Вполне возможно, что на языке оромо «Асмара» означает «бишофту» - «вызывающий радость и чувство глубокого удовлетворения».

Потерпев поражение при Адуа от абиссинко-русского оружия (спасибо ...) и потеряв надежду на приобретение Абиссинии, итальянцы огляделись вокруг и заметили, что Эритрея -чудесный край и можно им вполне удовлетвориться. С криками «Que bello!» и «Наше поколение будет жить при фашизме!» они устремились из перенаселенной Италии с неподлежащим ремонту средневековым жилым фондом в понравившуюся им африканскую деревушку и превратили ее в город. Для удобства доставки ингредиентов итальянской кухни построили железную дорогу Массава – Асмара.

Главную улицу, понятное дело, назвали Via Mussolini. Открыли рестораны, кофейни, аптеки и ювелирные лавки (то же они сделают и в Аддисе). Ювелирные лавки имели большой экономический смысл: золота и серебра в местных краях навалом.

Все это колониально-фашистское наследие застаю и я. Итальянцы тоже, в основном, остались в аптеках и ювелирных лавках. Они рассказывают, что привыкли к Африке, а в Италии ничего хорошего их не ожидает, и они доживут свой век здесь.

Барак

В нашем бараке, помимо столовки и штаба, есть кинозал и комнаты для начальства. Возможно, есть комната и у особиста, но вряд ли она ему нужна: он работает на скамейке.

⁵⁶ Два пива! (амх.)

⁵⁷ И стейк, пожалуйста, с картофельным пюре (англ.)

Еще есть коридор. В нем можно ознакомиться с информацией о стране пребывания, размещенной на стенде. Информация носит непреходящий характер и потому никогда не обновляется. Из нее запоминается, что одной из главных экспортных статей Эфиопии является кунжутное семя. Приводится и другая информация, но всех привораживает кунжутное семя. Что это такое - не знает никто, даже замполит.

Кино крутят часто. Кинотека время от времени пополняется, но необходимости в этом никакой нет. В основном, по заявкам кинозрителей, мы смотрит «В бой идут одни старики» и «Хроника пикирующего бомбардировщика». Это очень удобно. Можно смотреть с любого места и произносить текст вместе с персонажами фильма. К тому же есть хорошие песни – «Смуглянка» и «Ніч така місячна», и многие в зале подпевают.

В этом же помещении нам читают политинформацию: рассказывают о последних решениях партии и правительства, предупреждают об опасностях, которые могут нас подстергать в стране пребывания. Эскадрильский доктор рассказывает о личной гигиене, о том, как адаптироваться к высокогорью, как не заболеть амебной дизентерией. Последнюю легко диагностировать невооруженным глазом: стул становится похожим на малиновое желе. В дополнение к кунжутному семени мы усваиваем, что в Аддис-Абебе 100 тысяч (ровно) проституток, являющихся переносчиками венерических заболеваний. Узнаем о золотом унитазе, который остался в императорском дворце после бегства Хайле Силассие.

Кстати, куда подевался негус – никто не знает. Но помимо унитаза, он, кажется, оставил довольно многих своих сторонников. Ночью мы иногда слышим выстрелы, а утром по дороге в Боле видим на обочинах трупы. Эфиопы про них говорят: «монархисты».

Ни дня без строчки

Рядом с баракком – кладбище одномоторных самолетов и вертолетов. Мы с Аликом иногда отлыниваем от «Боя, в который идут одни старики» и залезаем в двухместный «Белл», где мы держим заначку – джин или технический спирт.

- Алик, слушай, с особистом этим что делать?

- С особистом ты ничего не сможешь сделать. Это он с тобой может сделать, - Алик подносит к губам стопку джина, театрально оттопыривая мизинец, и залпом выпивает ее. Алик вообще очень театрален, его жесты всегда преувеличены. Он был бы хорош для водевилей.

- Смешно. Я в том смысле, что достал уже: докладывайте, пишите, что слышали-видели...

- Ну, так пиши.

- Ты пишешь?

- Все пишут.

- А что писать?

- Да что хочешь.

- То есть?

- Ну, например, в Массаве познакомился с лейтенантом ВВС Гирмой. Он интересовался жизнью в СССР, спрашивал, откуда я, из какого города. На мои вопросы о ситуации в Эфиопии отвечал заученными фразами, мол, страна идет по пути

социалистического строительства под руководством Менгисту Хайле Мариама. И т.д. и т.п..

- И так каждый раз?

- Ну варьируй, конечно. Разные звания, места, имена.

- То есть - от балды?

- Ну да. Для правдоподобия в конце добавляй что-нибудь бытовое, там: в конце матолика⁵⁸ Тесфайе попросил привезти ему из Москвы утюг. Это придает убедительность.

- Да ладно?

- Век воли не видать.

Что бы я без Алика делал...

Придя в номер, я решаю не откладывать общее дело в долгий ящик:

«Вчера при разгрузке самолета в Дебре - Зейте познакомился с матоликой Тесфайе, который вызвался ознакомить меня с окрестностями, изобилующими озерами вулканического происхождения. Одно из озер, а также весь этот озерный край, называется «бишофту», что в переводе с языка Оромо означает «земля, окруженная водой», или еще «отвратительный» или «вызывающий разочарование». На этом языке говорят галласы, которые составляют один из самых многочисленных этносов, населяющих Эфиопию. Матолика, будучи амхарцем, т.е. представителем доминирующего в администрации и ВС страны народа, не самым лестным образом отзывался о галласах, что, вероятно, объясняется их общей отсталостью и сохраняющимся язычеством, а то и принадлежностью к мусульманству.

Чисто внешне тип галласов очень красив. Мужчины обычно высокого роста, скульптурно сложены, сухи, с продолговатым лицом и немного сплюсненным с боков черепом. Черты лица правильные и красивые, губы не толстые, большие, у некоторых продолговатые, глаза; ступни умеренные и не повернутые внутрь».

По-моему, вполне информативно. Посмотрим, как пройдет следующий пассаж из дневника Булатовича:

«Мужчины носят волосы наголо обритыми или стоящими копной. Некоторые заплетают волосы в косички, связанные на затылке. Это есть знак храбрости, и носить такую прическу имеет право: убивший человека – один год, льва – два года и слона – сорок лет. Полагаю, что на настоящий момент актуальна лишь первая категория, так как львы и слоны, в основном, либо перебиты, либо бежали от войны в соседние страны».

Последнее предложение – от себя. Может, хватит? Вот это еще добавим:

«Число жен не ограничено. Жены живут каждая отдельно, и супруг кочует из одной хижины в другую. Когда родители считают свою дочь достигшей зрелости, ей делают операцию (обрезают клитор) и тогда выдают замуж».

Я задумываюсь, насколько важна информация про клитор. Решаю оставить.

«При рождении ребенка мать дает ему имя, но глава семейства известен всегда под именем своей лошади.

В конце беседы матолика попросил привезти ему из Советского Союза сороварку – вещь незаменимую при готовке пищи в условиях высокогорья, где вода закипает при 70 градусах».

⁵⁸ Лейтенант (амх.)

Так, сойдет для первого раза.

Падение комсорга

Одна из пресловутых ста тысяч аддис-абобок в один прекрасный вечер оказывается в моем номере. Точнее, в нашем: меня поселили вместе с штурманом-комсоргом. Веселый парень, с ним легко и просто. На аэродромных стоянках от нечего делать мы бросаем друг другу теннисный мячик, как будто играем в теннис, только руками. Или выпрашиваем у эфиопов старинный Виллис и гоняем на нем по бетонке. В этот памятный вечер ему меня стало мало. Я захожу в номер поздно, пресытившись итальянской кухни, и сразу слышу: «Свет не включать!». Постепенно мое зрение привыкает к полумраку и видит, что комсорг ворочается под одеялом с вероятным переносчиком венерических заболеваний. Пребывая в благодушном после спагетти кон фунги настроении, я спрашиваю, не испытывает ли он угрызения комсомольской совести.

- А я буду петь Интернационал! – раздается в ответ.

Ответ достойный, ничего не скажешь. Высокий уровень политической подготовки. Однако международный пролетарский гимн до конца мой штурман не допел: то ли не знал всех слов (а кто их все вспомнит, особенно в минуты сладострастья), то ли устал. Короче, чего не сделаешь с «устатку и не емши». Ну, с тоски по Родине опять же.

Горькое похмелье наступает через несколько дней.

- Слав, у меня трепак. Сил нет – едва хожу. Одна надежда на тебя.

- Хорошенькое дельце. Как «Интернационал» петь – так сам, а как трепак – надежда на меня?

- Ну, ты мой друг, ты знаешь язык...

Сейчас еще скажет: мы все здесь делаем общее дело.

- Ну?

- Поговори в аптеке, там итальянцы работают, купи, что надо. Пожалуйста.

Как я могу отказать. Все-таки комсомольский вожак, и летаем вместе.

Так начинается моя врачебная практика. С утра пораньше я кипячу шприц и колю антибиотик, рекомендованный знающим в этих делах толк аптекарем, в тощую задницу комсорга. После этого заряда бодрости мы уезжаем на аэродром.

В медицинской практике такое бывает: врач исцеляет больного, но сам становится жертвой своего лечения. Вспомним хотя бы исследования шелковичных червей, которые довели Луи Пастера до инсульта (если, конечно, их вообще – червей и Пастера - кто-то помнит).

Бальча

После полетов и обильного (опять) ужина мне становится плохо: болит живот, тошнит, и температура. Иду к командиру, он сочувствует (то есть не посылает по обычному адресу) и предлагает пососать леденцы.

Увы, от них мне становится еще хуже. Эскадрильский врач спрашивает, не выходит ли из меня малиновое желе. Нет, тошно, температура и живот. Ходить я больше не могу. Меня отвозят в Бальчу.

Бальча – гражданский госпиталь, основанный Булатовичем как госпиталь Красного Креста. Хирург – наш, советский. Он один раз тычет пальцем мне в живот, что приводит меня в состояние, противоположное тому, которое испытывают поющие «Интернационал».

- Острый аппендицит, готовьте к операции.

Все происходит очень быстро. Перефразируя песню донецкого детства: «И вот меня побрили, мой костюмчик унесли».

Я прихожу в себя уже в палате и закуриваю. Наследие бывшего тлетворного влияния Запада: здесь везде можно курить, даже в кинотеатре.

Слева от меня солдатик с геморроем. Справа – человек, который почти все время кричит и требует морфий. Солдатик поясняет, что это – капитан, который подорвался в Огадене на mine, и у него гангрена, после чего уходит, как он говорит – прогуляться. Я больше его не вижу. Вылечили возможно, его геморрой. Писарь, должно быть, в штабе ГВС: як у нас кажуть, від такої праці буде геморой у сраці.

Заходит сестричка – ослепительной красоты молоденькая эфиопка. Газельные глаза, тончайшие черты лица, гибкая стать, белоснежная улыбка – все при ней. Приветливо здоровается и ставит рядом со мной поднос. На нем дымящийся стейк, пюре и шпинат.

Не хватает только, чтобы «газель» сказала: “Here is a present from your mother. Enjoy”⁵⁹.

Стейк не хуже, чем в «моем» ресторане.

Чувство глубокого удовлетворения портит старшая медсестра, которая заходит через полчаса. Пожилая, советская и сердитая. Она ставит стакан рядом с пустой уже тарелкой и произносит леденящие душу слова: «Сегодня Вам положен только чай».

Я говорю, что вот тут рядом со мной был уже положен поднос с мясом и картошкой, и я их съел, но вот шпината немного осталось, и я его, конечно, теперь есть не буду.

Старшая медсестра переходит на высокие тона, так что не слышно капитана. Она кричит о бестолковом местном медперсонале и том, что теперь со мной вообще неизвестно что будет.

Однако довольно скоро мне стало известно. «Было» со мной совсем плохо. Меня стало распирает от резей и боли, и я тоже стал требовать морфий.

Зря тетка ругала медперсонал. Попросил – сразу сделали. Но капитану морфий уже не помогал. Ночью его из палаты увезли.

К утру происходит странная вещь: в палату входит священник-эфиоп, становится у моей кровати и начинает что-то бубнить на геэз, время от времени осеняя меня крестом. Забегает «газель», хватается за рукав и уводит из палаты.

По-моему, меня исповедали. Может ли съеденный стейк быть причиной?

Нет, эта была ошибка, потому что на следующий день меня заставляют вставать. Зато меня переводят в палату на одного человека – меня. Это – люкс-класс, я думаю. За

⁵⁹ Вот Вам гостинец от мамы. Приятного аппетита (англ.)

что мне такая капиталистическая роскошь – «the privacy of my own room⁶⁰»? Все остальные больные вылечились или поумирали?

Dolce Vita

Но меня этот вопрос мало волнует. Я никогда не жил в таком комфорте: ни тебе Сереги в кальсонах с начесом, ни комсорга с гонореей. Женька приносит мои книги. Он замечает среди них «Ленин в Цюрихе» Солженицына, но вида не подает. Я в Женьке уверен, он не сдаст. Мы познакомились уже здесь, в Эфиопии, и Женька сразу ко мне проникся как к земляку: он тоже с Донбасса – из Мариуполя, с Левого Берега. Когда мы выпиваем в нашей переводческой компании, и пою донецкий блатняк под гитару, у него влажнеют глаза и хлюпает нос. Он лезет обниматься и говорит, что лучше меня никто не поет и не играет на гитаре.

Меня приходят проводить друзья, но Женька - чаще всех. Моя палата-люкс и кровать, которая может поднимать ноги или спину, вызывают восхищение. Все поочередно залезают на чудо-кровать и пробуют различные позиции. Я подумываю, не продавать ли мне на нее билеты. Комсоргу бы очень понравилось, но он не приходит. Выпить, покурить и поболтать приятно в беседке в больничном саду. По-моему, мне слегка завидуют.

Но только не Женька. Он приходит ко мне как к тяжелораненому бойцу, сопереживая моей боли. Эта история с аппендиксом приходится на мой день рождения, и Женька приносит мне подарок – джинсы Wrangler. Мне, как и всему остальному советскому народу, никто не дарил джинсы. Самому впору носом хлюпать.

Он приводит с собой угандийца, с которым познакомился где-то в баре. Веселый паренек, мы вместе идем отпраздновать день рождения в бар. Он явно какой-то агент, но нас с Женькой это не очень волнует: у него есть деньги, с которыми он легко расстанется и прежде, чем нас завербовать, напивается до беспамятства, и мы отвозим его в отель. К тому же, кроме пары-тройки языков, мы ничего не знаем и предать Родину не имеем никакой практической возможности.

В приятных беседах, чтении книг, прогулках в саду и пикниках в беседке незаметно бежит время. Меня хорошо знает младший медперсонал. В саду я всем привычен, как беседка. Я начинаю забывать боль и причину своего пребывания в Бальче.

Но все имеет свой конец. Во время прогулки по саду я замечаю мужчину, стоящего у окна второго этажа. В мужчине я узнаю своего хирурга. Щурясь от табачного дыма, он пристально всматривается в меня, как бы стараясь вспомнить, где он меня мог видеть. Я машу ему рукой. Наконец он узнает меня.

- Молодой человек, Вам швы сняли?

- Швы? – на всякий случай, я щупаю правую часть живот. – По-моему, нет.

- Зайдите ко мне.

⁶⁰ Отдельная палата (англ.)

Доктор больно и быстро – будто каждая лишняя минута на счету – выдергивает из меня нитки.

- Их неделю назад надо было снять, - сердито произносит он, как будто я все это время где-то прятался. – Завтра мы Вас выпишем.

С сожалением я покидаю Бальчу – госпиталь, в котором я оставил частицу себя ... и не терял времени зря.

Текла Хайманот

«Находясь на лечении в госпитале Красного Креста, основанного в 1897 году поручиком Булатовичем, имел несколько бесед с пришедшим по ошибке отпевать меня эфиопским священником Габро Мариамом.

Он рассказал мне много интересного об абиссинской церкви. Абиссинцы исповедуют христианскую веру с 343 гола от Р. Х., а до этого исповедали иудейскую, что до сих пор отражается в их обрядности: разделяют животных на чистых и нечистых, обрезают детей. В церкви используется литературный язык – геэз, завезенный во время переселения семитов. Особо почитаем святой Текла Хайманот, изображаемый с отделенной от него ногой. На спине у него было шесть крыльев, благодаря которым он четыре раза летал в Иерусалим. Он постился семь лет, стоя на одном месте без пищи и питья. На шестой год у него сломалась одна нога и от восковой свечки сгорело одно крыло, но он подставил себе под ногу деревяшку и продолжал стоять.

Перед выпиской из госпиталя я спросил священника, не нужно ли ему что-нибудь привезти из Советского Союза. Он ответил, что он ни в чем не нуждается, что ему все Боженька дает».

Я продолжаю безбожно «списывать» у Булатовича. Хотя, с другой стороны, ничего не выдумываю. Почти.

Максим Хайманот

В это день все как-то не так. Мы прилетаем в Асмару. Я слоняюсь без дела по стоянке. Я вижу вертолет, который завис над летным полем, и думаю: «Сейчас он упадет». И тут же винт начинает вертеться все медленнее и медленнее, наконец, лопасти перестают вращаться вовсе и, замерев на секунду в воздухе, будто размышляя, что делать дальше, вертолет падает на землю. Приземляется на «лыжи», подпрыгивает и падает на бок.

Мы бежим к вертолету. Пилот жив-здоров, немного ушибся.

Садится наш борт из Массавы. Нам сообщают, что самолет, с экипажем которого летает Максим, разбился при посадке: приземлился под углом к полосе на переднюю стойку, которая проломила обшивку и вошла в кабину как раз в том месте, где на месте радиста находился Максим. Ногу пережевало как в мясорубке.

Не выдержала-таки советская металлургия.

Максима отправляют в Москву на лечение. Летать он больше не будет. Ходить будет, но с трудом и не сразу.

Вскоре и я покидаю Эфиопию, но ненадолго.

Dolce Vita-2

В родном гарнизоне «все тихо и славно». Мы даже не должны ходить в «присутствие» - только если вызовут через вахтершу, у которой стоит телефон. Должна приехать моя Аленка из Харькова: оторвется на несколько дней от учебы в институте культуры. Впрочем разлука с культурой не будет полной. В нашем славном городе первого совета (из 300-х полезных) культура местами даже очень присутствует. Например, высокая культура обслуживания в ресторане «Звезда» (ароматизация шипром военных головных уборов), искусство, представленное в ресторане «Родина» сладкоголосой Галочкой, искусство не грохнуться там же вместе со стулом, наконец. Есть возможность развить навыки сценической речи, в частности изучить особенности речевых характеристик местных жителей на тот случай, когда в будущем Лениным спектакле местом действия будет здешний северный край. В городе И и его округе говор особый. Здесь нет московского аканья или харьковского гэкагня. Здесь окают. Что придает особый шарм - даже матерному языку. Если в Харькове матерятся лениво и небрежно, в Москве – пронзительно и громко, то в городе И – скороговоркой и совсем необидно. Получается не мат, а легкое стаккато. «Совсем ох*ел, что ли вообще» звучит не как оскорбление, а припев из русской народной песни.

Под знаком кролика

Я приезжаю в аэропорт заблаговременно. Я не хочу повторения новогодней истории с отравленным кроликом, который, в свою очередь отравил меня. Чтобы хоть как-то сгладить леденящие душу воспоминания той морозной ночи, я даже попытался подать их в форме трагикомического сценария, который можно было опробовать на студенческой сцене Харьковского института культуры:

«Зимний вечер. Одноэтажный аэропорт г. И. Алене зябко на деревянной скамье.

- Девушка, сейчас последний автобус в город отходит, больше не будет, сейчас собак запустим.

- Нет, нет, меня встречают, я телеграмму давала.

Но Слава не приезжает. Крупным планом - крупные слезы. "А еще офицер. Военный - офигенный."

Наступает ночь. В аэропорт впускают бездомных собак: иначе они околеют от холода, на улице минус сорок.

Новогоднюю ночь Алена проводит в окружении собак, тянущихся носами к ее сумке, в которой находится приготовленный еще в Харькове кролик в сметане. "Хоть бы он там протух, - мстительно думает Алена, - пусть этот гад отравится..."

Зимнее утро нового 1978 года. Вдоль дороги, ведущей в гарнизон, сугробы в человеческий рост. Между сугробами изнуренно бредет Алена. Навстречу ей бежит молодой военный в растянутой шинели и сбившейся на затылок шапке. Это - Слава. Накануне он с друзьями залил глаза и не смог прочитать телеграмму. Не узнав в

измученной от бессонной ночи женщине Алёну, он пробегает мимо, приговаривая: ой-ой-ой... В руке у него телеграмма, содержание которой дошло до него только утром. Пробежав десяток шагов, Слава останавливается и оборачивается на почти забытый запах.

- Кролик, это ты? - спрашивает он.

- Пойдем скорее в общежитие, - лукаво отвечает Алена. - Я тебя кое-чем угощу.

Кролик действует почти мгновенно. Жадно проглотив несколько кусков, Слава бледнеет, закатывает глаза и с хрипом валится на кроватную панцирную сетку. В комнате повисает тяжелая тишина. С ужасом осознав содеянное, Алена пытается наложить на себя руки Славы, чтобы он обнял ее напоследок, но увы: руки бессильно скатываются с ее плеч.

Алена мечется по комнате, не находя нужных слов из курса зарубежной литературы, которую она изучала в институте культуры и отдыха. Наконец озарение :

Он, значит, отравился? Ах, злодей,
Все выпил сам, а мне и не оставил!
Но, верно, яд есть на его губах.
Тогда его я в губы поцелую
И в этом подкрепленье смерть найду.

Целует Славу.

Какие теплые...

Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.

(Хватает нож, которым был разрезан злосчастный кролик).

Сиди в чехле!

(Вонзает его в себя)

Режиссер. (Устало отбрасывая сценарий) Концовка никуда не годится. Это же и на 3 серии не хватит.

Сценарист. Так что, потянуть еще? Пожалуйста. Итак:

Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.

(Хватает нож, которым был разрезан злосчастный кролик)

Сиди в чехле!

(Вкладывает нож в чехол, услышав храп, исходящий из Славы)

Режиссер. Где-то так. И поживее как-то. Пусть он в Африку на войну поедет...

На улице весна, и весенние чувства переполняют меня. У Алёны несколько растерянный вид: она не сразу замечает меня среди встречающих. Когда же, наконец, замечает, то первое, что отражает ее лицо – чувство большого облегчения. Ужасы новогодней ночи еще живут в ней. Я полон надежд на то, что своей любовью я искуплю прежние грехи.

Однако практическому проявлению моих нежных порывов мешает бесчеловечная действительность. Хотя в комнате я сейчас живу один – Мишка в Эфиопии – провести Алену в общежитие, или как его красиво называют в гарнизоне, гостиницу – дело непростое. Обойти, обмануть, обхитрить, соблазнить сладостями вахтерш невозможно. Охрана непорочности добрых отношений – их святой долг. Сладости они съедят с аппетитом, но оставить на ночь нерасписаную пару – ни-ни.

Иные миры

Пара, находящаяся в законном браке в нашем «отеле» одна-единственная – Олег и Ольга Разваловы. Они похожи друг на друга, как и их имена. Они красивы как, боги. Они говорят, что они из Ленинграда, но я не верю. Я даже хотел при знакомстве выкрикнуть, как Станиславский: «Не верю!». Я сразу понял, что они пришельцы с другой планеты, где живут высокие стройные люди с атлетическим телосложением, большими глазами, гладкими продолговатыми, как на картинах Эль Греко мускулами, длинными шеями и резными лицеочертаниями. Естественно, оба – мастера спорта по плаванию, как и все жители их планеты, которые живут преимущественно в воде. Олег еще и мастер спорта по баскетболу – ему легко было освоить этот вид спорта после водного поло.

Привыкнув жить в холодной водной среде, они экономят энергию, приберегая ее для молниеносного отражения внезапной атаки (это дело на их морской планете привычное). У нас, конечно, им ничего не грозит: у всех обитателей гостиницы, гарнизона и города при виде Разваловых возникает только одно чувство – восхищение. Когда Ольга проходит по коридору мимо расширителя, в котором после рабочего дня отдыхают перед телевизором холостые прапорщики и офицеры, все смолкает. Холостяки и, кажется, сам телевизор растроганными взглядами неотрывно сопровождают плавную походку длинноногой инопланетянки.

Когда мне не хватает прекрасного, я стучусь в их дверь под каким-нибудь предлогом – как правило, надуманному. Я никогда не застаю их сидящими на стульях. Они лежат на кроватях на боку подобно морским котикам, греющим на солнце свои гладкие блестящие тела. Их медленная – как и их движения – речь производит на меня эффект, близкий к гипнотическому. Я не разбираю слов: они сливаются в сладкую мелодию с пластинки «Средневековая лютня». Под этот аккомпанемент я люблюсь ими как картинами Боттичелли.

Я ухожу в благостном состоянии духа, забыв, зачем я приходил: за сахаром, солью или спичками.

Иногда я думаю, что Олег и Ольга не пришельцы, а обычные люди, только из другого измерения, из параллельного СССР, где все такие, как они, и куда я попадаю через дверь их комнаты.

Я провожу Алену в гостиницу без всякой записи: вахтерша вовремя отлучилась куда-то на несколько минут. Это – крупная удача. Иначе пришлось бы искать для Алены место в городской гостинице или теснить в коммунальной квартире Сашу Минина с его многочисленной семьей.

Ставить рядом друг с другом две старые кровати с продавленными панцирными сетками для того, чтобы получилось брачное ложе – дело бесполезное. Мы это уже проходили. То же самое можно пробовать с двумя гамаками.

На завтрак у нас яичница, которую Алена готовит на электрической плитке, на обед – единственная съедобная вещь в округе: консервированный зеленый горошек с цыпленком болгарского производства, приобретенный мной в оптовом количестве в военторге. Судя по содержимому банки, в Болгарии много зеленого горошка и очень мало цыплят. Банку я разогреваю под струей горячей воды в рукомойнике.

Однако приходит время, когда хочется на волю, весеннее солнце манит на прогулку, а организм больше не принимает импортный горошек. Мы идем гулять в лес. Снег остался только в канавах, а Красная Талка весело бежит, освободившись ото льда.

Мы углубляемся в лес, идя по шпалам узкоколейной железной дороги. Саша Минин утверждал, что если так идти очень долго – можно дойти до Финляндии (надо сказать Мишке). Но мы не прошли и получаса, как слышим иностранную речь. Я вслушиваюсь и понимаю, что Мишкина помощь не потребуется. Дети разговаривают на испанском. Перебежками они перемещаются по лесу, скрываясь за соснами и кустами и стреляя друг в друга из игрушечных пистолетов и автоматов. Многие из них коричневого цвета кожи, а некоторые – совсем черного. А я уже представлял себе добросовестных детишек интеллигентных родителей, которые даже в «войнушку» играют, продолжая совершенствовать знания разговорной испанской речи, полученные на занятиях с частным репетитором. Прислушавшись, я отмечаю, однако некоторые заимствования:

-A donde vas, pendejo? Te he matado⁶¹, козел!

- X*юшки! Soy yo que te he matado, cabron!⁶²

Мы не верим своим ушам и глазам. Как оказались эти мулатики и негрятя среди русских березок? Может быть, это детская версия псковских сенегальцев? Или лесная узкоколейка подвела нас к еще одному portalу в параллельный мир, в котором город И граничит с Сантьяго де Чили?

Разгадка не заставляет нас долго ждать.

Оставив позади воинственных негрят (последний возглас, который мы слышим - «За Родину! Ура!»), мы выходим на опушку и видим 5-этажное здание из белого кирпича с надписью у входной двери: «Интернациональная школа-интернат». Рядом, у стены, еще одно чудо: морозильник у входа в продуктовый магазин с сибирскими пельменями. Пельмени производят на меня впечатление еще большее, чем бегающие в чаще русского леса дети Луиса Корвалана и племянники Патриса Лумумбы. Болгария посрамлена. Горошек отступает на 2-е место в My Top 2 Chart⁶³ 1978. Пельмени слеплены из белоснежного теста и, похоже, имеют мясную начинку. Интернат с отпрысками Долорес и Мао Дзедуна с холодильником, наполненным сибирскими пельменями – это то место, куда хочется возвращаться. Уже на следующий день.

Уставшие, но с пельменями, мы возвращаемся обратно. На этот раз добрачным связям в общежитии заслон выставлен совершенно непроходимый, и ночевать – и

⁶¹ Ты куда пошел, мудило? Я тебя убил! (исп.)

⁶² Это я тебя убил, козел? (исп.)

⁶³ Мои лучшие две песни (англ.)

ужинать – мы идем к Мининым. В тесноте, но с пельменями и водкой, нам очень рады.

Наутро подмораживает и в воздухе кружит легкий весенний снежок, в который уже не веришь. Мы идем с малышами – Мишуткой и Ромашкой – на детскую игровую площадку. Устав от качелей, раскрасневшийся от мороза Ромашка подбегает ко мне. На его длинных ресницах лежит, не тая, снег.

- Дядя Слава, почему у нас страна такая военная?

Я смотрю в его прозрачные голубые глаза и задаю себе тот же самый вопрос.

Дни проходят счастливо и незаметно. Мы гуляем по лесу и двум главным улицам города – ул. Ленина и ул. Энгельса. В безуспешных поисках ул. Карла Маркса мы делаем еще одно удивительное открытие.

Проголодавшись - мое обычное состояние, в котором я находился вдали от пельменей и болгарского горошка – мы заходим в кафе, на вывеске которого написано «Кафе». Заведение - типа буфет: прилавок с продуктами под стеклом, пара столиков. Вывеску можно было бы дополнить цитатой: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Но тем приятней был сюрприз, который ожидал нас. В меню мы видим одно блюдо: «шашлык из осетрины с рисом». Из напитков предлагается «вино белое сухое».

Как говорится: лучше один раз съесть, чем сто раз увидеть. Мы заказываем все меню, и нам действительно приносят осетрину и сухое вино.

Каким образом осетр доплыл до нашего города, интересуюсь я у официантки, и приплывет ли еще. У заведующего, оказывается, какие-то личные связи с Кинешмой, и оттуда прямой канал поставки осетра.

- Ну, чтобы канал не пересох, - предлагаю я тост, действительно желая этого. В этом городе, который как по мне лучше бы был «городом первого блюда», и где к вечеру все пьяны благодаря обилию в магазинах водки и отсутствию еды (если не считать за еду слизистую субстанцию под наглым названием «холодец»), я обнаружил дыры, или окна, через которые можно немедленно попасть в пространство, населенное высокими и красивыми инопланетянами, а также на иные континенты, по крайней мере, в Латинскую Америку с сибирскими пельменями на «экспорт». И вот теперь – как это назвать? – в Россию 1913 года, наверное...

Паче чаяния

Первый, кто встречает меня в Боле – старший штурман, которого мы зовем Паче Чайания. Он очень любит этот архаизм и вставляет его где не попадая.

- Ну, что, лейтенант – отдохнул?

В вопросе я чувствую подвох.

- Паче чаяния, проголодался?

Так, явно что-то не так. Что он так озаботился?

- Соскучился, наверное, по омарам или, паче чаяния, крем-брюле?

Все понятно. We got busted⁶⁴.

⁶⁴ Здесь: нас вычислили (англ.)

- Ох, и огребли мы из-за вас с Кокаревым. С ним мы уже разобрались как следует - он все рассказал.

Я представляю себе подвал, освещенный голой электрической лампочкой, висящей с потолка на проводе, привязанного к стулу Алика с заплывшими от гематом глазами, и стол, заваленный ресторанными счетами.

- Но ты не переживай, лейтенант, пиздюлины уже розданы, ты, паче чаяния, легко отделался. Экипаж твой поселят на вилле, там, паче чаяния, в ресторан не походишь.

Виллу, на которой нас размещают, мы называем «сомалийской»: до войны здесь жил посол Сомали. Далековато от центра, но – тишь и благодать: пышная растительность с попугаями-любовниками и лужайка с черепахами. Неподалеку – киоск, построенный по проекту Нуф-Нуфа, в котором живет и работает маленький гуаденя.

Здесь можно купить «камышовку» и – для профилактики – джин с тоником. Как известно, тоник содержит хинин и является действенным средством против малярийной лихорадки. Мы никогда не забываем об этом. Правда, тоника в продаже никогда не бывает, и нам приходится ограничиваться чистым джином.

На вилле душевно: друзья-переводчики всегда рядом, никаких контактов с иностранцами, гитара, посиделки. В центр выбираемся на такси – погулять и отовариться. В выборе правильного товара лучше всего полагаться на Сашу Минина.

Выбор бюстгальтера

Мы ходим по Пьяцце⁶⁵, и я внимаю его полезным советам (их у Саши более 300).

- Джинсы лучше покупать фирмы «Levi's». Это – если для себя. На подарки родственникам можно «Lee» или «Wrangler».

Мы останавливаемся у аптеки, в которой меня уже знают, как целителя гонореи.

- За границей нужно обязательно запастись презервативами. В Союзе, сам знаешь, как...

Конечно, знаю. В Союзе – Мишутка и Ромашка.

- Да, хорошие, одобряет Саша выбранную мной упаковку, - бери несколько.

- Но на них срок годности, я могу не успеть.

Успеешь. Еще бегать будешь – искать.

- Вот ты зря купил Солженицына, - продолжает Саша в книжной лавке. – Ты понимаешь, что это опасно?

- Да все по-английски, у наших военных аллергия на латиницу. К тому же, на обложке Ленин нарисован, и название благонадежное: «Ленин в Цюрихе».

- Бери Гарольда Роббинса. Будешь совершенствовать английский, и никто не придерется. Зачем ты подвергаешь опасности свою карьеру, свою будущую жизнь?

- Ох, Саша. Вот тут ты неправ. Опасности нашу жизнь подвергают совсем другие люди, - вспоминаю я случай с Максимом.

Саша озабоченно кивает и резко меняет тему.

- Так, Слав, не знаю, актуально ли это для тебя, но я нижнее белье для Лены покупаю сам. Саша подзывает меня к прилавку.

⁶⁵ Площадь (ит.)

- Вот, например, бюстгальтеры. Надо выбирать самые твердые – тогда грудь смотрится более эффектно.

Саша поочередно тычет пальцем в бюстгальтеры.

- Вот – самый твердый, годится.

- Надо еще размер знать.

- С этим еще проще. Я размер никогда не знал и не знаю. Выбираю наощупь, по памяти. Вот этот, - Саша охватывает ладонью «чашечку» бюстгальтера, - маловат, а этот, - Саша задействует вторую руку на соседней «чашечке», - вроде самый раз.

Чтобы я без Саши делал...

Массаву просрали

Прилетают трое двухгодичников, которые учились на переводческом отделении на курс младше меня. Из них я знаю только Жеку Белова. Мне сообщает об этом, как водится, Кокарев. Завтра двое из них летят на Север.

Мы встречаемся в Раз Отеле в номере Сереги Боброва. Они – Жека, Миша и Витя - очень рады еще одному знакомому лицу, то есть моему. В универе я был довольно популярен. Даже полковник Акишев, который вел у нас на военной кафедре военный (какой еще там мог быть?) перевод ходил на студенческие концерты с моим участием.

- Студент Стариков, вчера я был на концерте, где Вы, так сказать, выступали с Вашей балалайкой (Имелась в виде гитара). Скажу одно: если Вы хотите стать клоуном, подумайте, сколько уже есть!»

Все это полковник Акишев произнес после того, как на вопрос: «Что такое дифосген?» я ответил: «Это древнегреческий философ».

Двоих, в том числе Жеку, отправляют на северный фронт, и от меня ожидают каких-то рассказов или советов.

Я предлагаю для начала выпить.

Мы не успеваем разлить джин без тоника, как появляется сильно возбужденный Кокарев. Кратко поприветствовав вновь прибывших, он нецензурно ругается.

- Все, Массаву сдали. Мы начали загружаться, как начался минометный обстрел. Мины ложились рядом с ВПП. Командир быстро сообразил, что еще минута-две – и взлетать будет не с чего. Мы грузовой отсек только при взлете закрыли.

- Массаву – это где? – спрашивает розовощекий круглолицый Миша.

- Это неважно, - поясняет Алик, плюхаясь в кресло, - туда Вы уже не попадете.

Мы пьем за встречу. Джин поднимает боевой дух.

- Все будет нормально, - Алик откидывается на спинку кресла, поднимает лицо к потолку и выпускает из себя клуб табачного дыма. – Вас приставят к нашим советникам, они под пули не лезут, будете спокойно переводить их советы, а через какое-то время вас переведут – вот как Витю – на южный фронт.

- А меня – на северный? – спрашивает Витя.

Алик оценивающе смотрит на грузного Витю, как бы стараясь понять, поместится ли он в окоп.

- Нет, - уверенно произносит Алик. – Считай, что тебе уже повезло.

На следующее утро я встречаю Женю и Мишу на стоянке у нашего самолета переодетыми в эфиопскую военную форму, которую мы называем «натовской». Женька щурит глаза так, что невозможно понять его настроение. У Миши вид растерянный.

Полет их оживляет. Они смотрят в окошко, я даю им послушать эфир. В Асмаре их уже ждут и сразу увозят на УАЗике. Прощаемся наскоро.

Массаву стараются отбить, но пока безуспешно. Иногда в Асмаре нас загружают ранеными, которых укладывают в грузовом отсеке, и мы летим на предельно низкой высоте насколько это позволяют горы – чтобы они не перемерли от недостатка кислорода. Раненые, даже тяжелые, очень стойко переносят страдания.

Тессеней

Мы начинаем летать в Тессеней. Это тоже на севере, но ближе к границе с Суданом. Кроме названия там ничего нет: саванна и сопки с редкой растительностью. Над саванной качается раскаленный воздух, и кажется, что вдалеке из дымки вот-вот появится мираж гумилевского жирафа, бродящего по берегу озера.

Жирафы со слонами, однако, от войны убежали в Судан, где прячутся вместе с сепаратистами, которые организовали там лагеря боевой подготовки.

Полеты в Тессеней интереснее, чем в Асмаре: мы пролетаем над озером Тана с многочисленными островами (на острове Дага хоронили негусов) и древней столицей Абиссинии Гондэр.

Еще летаем на Юг – в Годе, откуда слоны убежали в соседнюю Кению. Это тоже middle of nowhere⁶⁶, мы возим туда продовольствие.

Курвуазье для летчика

Мои краткие вакации «между Эфиопиями» проходят весело. У меня никогда не было столько денег: лейтенантские 220 в месяц плюс чеки, заработанные за границей. В Харькове я беру утром наощупь несколько 25-рублевых купюр в тумбочке, не считая, и отправляюсь гулять. В Москве, где я часто бываю проездом (или пролетом?), в ресторанах на Новом Арбате меня знают как «летчика, который всегда заказывает Курвуазье».

Мишка

Мишкин самолет сбили. Об этом мне сообщает Алик Кокарев. Мы только что прилетели из Асмаре, и Алик встречает меня перед входом в штаб. Я успеваю отметить, что особиста на «рабочем месте» нет.

- В Тессенее. При заходе на посадку. Из «ред ая»⁶⁷. Упал недалеко от полосы. Пошли, - Алик тянет меня за рукав, - сейчас тут народу будет много.

⁶⁶ Здесь: дыра (англ.)

⁶⁷ От «Red Eye» (англ.) – ПЗРК, переносной зенитно-ракетный комплекс

Мы идем на самолетное кладбище и забираемся в «Белл». Алик достает из кармана несколько конфет, а из-под сиденья пилота заначку – полбутылки джина.

- Помянем Мишку.

Алик уже знает все.

- Завтра в Тессеней полетит наш борт – забирать, что от них осталось. Здесь упакуют в цинковые гробы – и на Родину. Там еще пятеро ВИИЯшников на борту было.

Я не могу поверить в то, что Мишки, с которым я живу в одной комнате, больше никогда не будет.

- Твой экипаж повезет. У вас командировка заканчивается.

Погибший экипаж из Джанкоя. Мы делаем там первую остановку. Гробы быстро выгружают. Нам сообщают, что в гарнизоне стоит вой, и бабы рвутся на аэродром.

В Чкаловской – то ли дождик, то ли снег. Как у нас говорят – «мряка». У трапа одетые в парадную форму курсанты ВИИЯ выстраивают что-то наподобие почетного караула, через который выносят пять гробов. Остается один Мишка. Мы везем его в полк для прощания.

На аэродроме нас встречают комполка и начштаба. Рюшин обнимает меня. У него на глазах слезы.

Прощание проходит организованно и быстро. Мне недосуг постричься, и я в военной форме похож на вышедшего из окружения.

На следующий день мы летим в Быково – к Мишкиной маме, которая живет в деревне неподалеку. Мы с Майоровым несем венок с лентой, на которой написано, что Мишка «погиб при исполнении интернационального долга». За нами – вереница однополчан с венками и наградами, мама, родственники и односельчане. У могилы мама обнимает гроб и кричит: «Что же я на тебя даже посмотреть не могу в последний раз? Ты ли там лежишь, сынок?»

Трап

Я едва успеваю постричься, чтобы слиться с остальным личным составом, как мне приказывают идти на аэродром, найти там командирский Ил-14 и лететь на нем до Чкаловской, где меня подберет мой «новый» экипаж по дороге в Аддис-Абебу. Ил-14, естественно, не для меня: в город И приезжал московский генерал, который привозил старушку-мать – попрощаться с родными местами в последний раз. С ними я должен долететь до Чкаловской.

Их привозят на черной Волге.

Холодно. По бетонке стелется поземка. Скорее бы в самолет. Но проблема: мать генерала не может вскарабкаться по крутому трапу, который больше смахивает на обыкновенную лестницу. Мать засовывают обратно в Волгу. Генерал требует доставить трап с поручнями. Прикаывают трап от Антея, и он оказывается существенно выше Ил-14-го. С него можно только спрыгнуть на самолет сверху, что было для старушки последним прыжком.

От холода околеть можно. Старушку, наконец, втаскивают по штатному трапу-лестнице, подталкивая снизу и подтягивая сверху.

Салон⁶⁸ – сразу видно – командирский, считай, первый класс: удобные кресла, обтянутые белой материей – как на картине, на которой изображен Ленин, принимающий в своем кабинете ходяков.

Генерал и сопровождающая свита усаживаются вокруг столика и начинают расписывать «пулю». Я устраиваюсь в отдельном кресле у окошка.

Полет оказывается долгим: добрый час мы кружим перед посадкой, пока генерал заканчивает игру.

Наполеон

Я сажусь в «Ивушке» на Новом Арбате и покупаю бутылку «Наполеона». За мой столик подсаживается молодой парень и говорит, что его зовут Валера, что он учится в театральном училище и может показать студенческий билет.

- Да нет, не надо.

- Нет-нет, вот, пожалуйста.

Он показывает мне документ.

- Поздравляю, - говорю я и возвращаю документ. – Вы – студент театрального училища.

- А Вы – летчик.

- Ну, вроде.

- А это – французский коньяк?

- Ну да.

- Я никогда не пробовал французский коньяк.

- Хотите попробовать?

Наполеон приходится Валере по вкусу. Мы переходим на «ты».

К нам подходит женщина, представляется Верой-уборщицей и спрашивает, будем ли мы пить всю бутылку, и если будем, то можем ли мы не выбрасывать «пробочку»: она ей вместе с бутылкой очень пригодится.

Я, в принципе, не против, но на всякий случай уточняю у Валеры:

- Валера, тебе бутылка нужна?

- Нет, она почти пустая.

- А пробочка?

- Тоже нет.

- Все, Вера, договорились.

Мы приезжаем к Валере домой. Приехав, мы забываем, зачем мы к нему приехали: в квартире ничего нет – ни выпить, ни закусить.

Я понимаю, что мне пора обратно в Чкаловскую.

- Ладно, Валера, успехов тебе, будь здоров.

Валера выходит за мной на лестничную площадку. Я хочу нажать на кнопку вызова лифта, но Валера удерживает меня за рукав.

- Ты думаешь, что я – никчемная, ничтожная личность, да?

⁶⁸ Играть в преферанс

- С чего ты взял? Ты – вполне кчемный, студент театрального училища.
- Издеваешься?
- Да ты чего?
- Ты, наверное, хочешь меня ударить?
- Не хочу.
- Ну, ударь, ударь!
- Ты что – сейчас какую-то сцену репетируешь? Домашнее задание?
- Я тебя очень прошу.
- Тебе французский коньяк противопоказан. Прощай, маэстро.
- Тогда я тебя ударю.
- Здрасьте-пожалуйста. А это вообще есть в сценарии?

Валера замахивается широко. Мне нетрудно уклониться и слегка продолжить его движение в направлении двери. Валера сползает по двери на пол. В его глазах настоящие слезы.

- Ну, пожалуйста, пожалуйста.
- Прощай, Валера. Из тебя получится очень хороший драматический актер.

Аба Ильма

По-моему, Булатович пришелся по нраву. В любом случае, нареканий или замечаний не поступает. Особист доволен регулярностью моих доносов и их объемом. А я теряю остатки совести.

«В Асмаре со мной разговорился матолика Гирма, который рассказал, что он потомственный военный, и его предки воевали под командованием знаменитого раса Вальде Георгиса при покорении Каффы (слово «кофе» произошло от названия этой провинции). По его словам, его прадедуска служил ашкером (рядовым) в полку фитаурари (полковника) Дамти вместе с легендарным офицером Аба-Ильмой, про которого ходили совершенно невероятные рассказы.

В одном из сражений Аба-Ильма был ранен копьем. Копье попало ему в шею немного левее позвоночника, прошло в рот, прорезало язык и вышибло три верхних передних зуба

Я вспоминаю военный госпиталь и раненого в рот майора разведки. Майор, конечно, не Аба Ильма, но какая-то связь времен, преемственность что ли, в этом есть.

«Аба-Ильма упал с лошади, но не растерялся: быстрым движением он вытащил из раны копье, и в тот момент, когда противник собирался его прикончить, выстрелом из пистолета положил его на месте. Товарищ убитого верхом поспешил на выручку. Ильма притаился и, как только враг приблизился, нанес ему ударом сабли тяжелую рану в ногу. На охоте с ним происходили невероятные приключения. Так, например, одному раненому и преследовавшему его слону он отрубил саблей кусок хобота, когда же слон повернул назад, он вторым ударом отрубил ему кусок хвоста.

В конце беседы матолика попросил привезти ему из Советского Союза электрическую кофемолку, что для Эфиопии более, чем актуально».

По-моему, интересная информация, пусть и бесполезная.

Happy Birthday

Что так Саша задерживается? Его самолет должен был прилететь из Ассаба в Дире Даву еще час назад. Они вылетали сразу после нас.

Я бесцельно брожу по стоянке, ожидая конца разгрузки. Что случилось? Столько времени прошло.

Сашу в Дире Даве я так и не дождался.

Новость по прилете в Аддису мне сообщает Алик Кокарев.

- Сашкин самолет сгорел в Ассабе, - и спешит добавить, - но все живы и здоровы.

В Раз-отеле мы сразу натываемся на Серегу Боброва. Он в полосатой пижаме и крайне взволнован. Ему не принесли пиво в номер, и он ходил ругаться на ресепшн.

- Полчаса назад заказал! Мы за этих симачков летаем на фронт, нас сбивают, мы горим – а они пива принести не могут? Про Минина уже слышали? Пошли.

В номере Сереги – полное собрание переводяг. В центре за журнальным столиком – Саша, которому в стакан наливают порцию (я так понимаю - очередную) джина. Саша пьет залпом, и обращаясь ко мне, произносит:

- Слав, сегодня у меня второй день рождения.

- Что случилось?

- Самолет сгорел. Дотла.

Лужа

В тот день над эритрейским побережьем в районе Ассаба прошел дождь. Это был тот самый единственный день в году, когда в этой местности бывают осадки.

После дождя на соляной ВПП в одной из колдобин образовалась лужа, которая никак не могла осушиться. Лужа была единственным вещественным доказательством прошедшего дождя.

После слов печального диспетчера «Cleared to take off⁶⁹», имеющих здесь ритуальное значение, Саша сразу же лег на топчан в предбаннике борттехника по АДО и заснул. После изнурительной жары и купания с акулами наперегонки мы все поступали таким же образом, так как радиообмен в течение продолжительного времени был не нужен. Не с кем «радиообмениваться» .

И надо же было такому случиться, что самолет одним колесом попадает в эту единственную на побережье Красного моря лужу. Вода из лужи, в свою очередь, попадает в движок, тот захлебывается и глохнет. Вероятно, бортинженеру надо было бы зафлюгировать отказавший двигатель, а командиру – прекратить взлет. Однако бортинженер, который сидит между пилотами в кресле, подвешенном над проходом, ведущим в кабину штурмана, не был пристегнут (как и все остальные члены экипажа), и когда при попадании в лужу самолет тряхнуло, он вывалился из кресла и упал вниз в проход. Самолет потянуло в сторону, и он уехал в пустыню. Шасси увязло в песке и

⁶⁹ Взлет разрешаю (англ.)

отвалилось. Самолет продолжил движение на пузе, одновременно возгораясь. Наконец остановившись, он дал большую трещину в фюзеляже в районе крыла.

Все это время Саша крепко спал.

Самолет хоть и уехал в пустыню, но был хорошо виден со стоянки. По полосе уже мчался джип с людьми, спешившими на помощь. Огонь разрастался. Наконец открылось окошко кабины пилотов. Первым из него вывалился вниз на песок командир и отбежал за бархан, что бы оттуда осуществлять контроль за спасением экипажа. За ним уже из обоих окошек посыпались остальные. Все, кроме Саши и борттехника по АДО. Весь фюзеляж был в огне. Спасшийся личный состав мог лишь наблюдать из-за бархана за разыгрывающейся перед ним трагедией.

Кто-то крикнул: «Сейчас е*нет!»

И – о чудо! Как будто услышав это истошное предупреждение, из щели над крылом появился борттехник по АДО. За ним вылез заспанный Саша. Вид у него был недовольный и давал понять, что все происходящее очень некстати.

Они забираются на крыло, проходят до его самого конца и спрыгивают на бархан.

Огонь превращается в воющую свечку, и вскоре от самолета остаются лишь винты и 10 тонн горючки, которая предназначалась для ДД. Бочки были заполнены по горловины и поэтому не взорвались.

По крайней мере – не е*нуло. Сашу и экипаж отправили на Родину – «отдохнуть и оправиться».

После этого происшествия Саша отмечает свой второй день рождения ежедневно.

Донос на солитера

«В Дире Даве шамбель (капитан) тыловых войск Мелессе пригласил наш экипаж на обед, который состоялся в ресторане в городе. Во время обеда Мелессе интересовался общей информацией о Советском Союзе. В частности, спрашивал, часто ли бывает снег в Москве, соблюдаем ли мы обряд крещения ребенка и делаем ли ему обрезание. Мы же, в основном, интересовались эфиопской кухней по причине ее замечательного вкуса и плохого питания в нашей столовой.

К столу подали традиционную эфиопскую еду: энджеру - блинчатый хлеб, круглый, сделанный из тэфа – местного злака. По вкусу, цвету и консистенции напоминает наш бородинский хлеб. Энджеру обмакивают в соус из гороховой муки с красным перцем, куда могут добавляться куски мяса (сыга-уот) или курицы (доро-уот). Подали также сыга-тыбс – мясные кубики, которые бросают на несколько секунд на раскаленную сковороду, чтобы мясо пустило сок и стало мягким.

Еще эфиопы ели сырое мясо. Было видно, что это – их любимая еда. Каждый вырезал тонким острым ножом понравившийся ему кусок, хватал его зубами и ел, весьма ловко отрезая кусочки у самых зубов движением ножа снизу вверх так быстро, что я положительно не понимал, как у них оставались целы носы и губы.

Эфиопы могут съесть громадное количество сырого мяса, но неизбежны последствия его - солитер – у всех без исключения, и поэтому принято раз в каждые два месяца пить вареные ягоды дерева куссо как глистогонное

Из напитков нас угощали тэджем - медовухой».

Вот это уж точно полезная информация. Но продолжим наш плагиат, и да простит меня Булатович.

«Во время пребывания в Эфиопии мое общение с местной стороной ограничивалось представителями народа Асмара – амхарцами, или абиссинцами, которые занимают господствующее положение в стране благодаря своей старой культуре, христианству и исторически сложившемуся государственному строю. Как отмечал исследователь Эфиопии и советник императора Менелика II поручик Булатович, Абиссиния – «остров среди остальных находящихся почти в детском состоянии народов».

Однако даже амхарцы, ставшие сейчас на путь строительства социализма, не свободны от предрассудков и испытывают симпатии к православию.

Матолика Вальде Микаэль, с которым я познакомился в Массаве, спрашивал меня, пьют ли у нас тэдж. Я сказал ему, что в старое время у нас все было очень похожим на их быт, рассказал ему про святого Владимира, про его пиры, крещение, про его ответ магометанским послан: «Руси веселие есть пити». Мой рассказ очень понравился, и Вальде Микаэль сказал: «Русские – христиане»

Детей амхарцы по-прежнему называют именами святых, но всегда с добавлениями, например тот же Вальде Микаэль – «рождение Михаила», Хайле Мариам (нынешний президент Эфиопии) – «сила Марии», Хайле Силассие (свергнутый император Эфиопии) – «сила Троицы». Но большей частью они пользуются и называют себя прозвищами, например, Сентаюх – «Сколько я вижу» или Енатъех – «Ты в мать», Сефраишу – «Ищите места».

По характеру амхарцы скромны и добродушны, но не лишены хитрости и не прочь извлечь выгоду из подвернувшихся обстоятельств. Прощаясь со мной, матолика Вальде Георгис попросил привезти ему из Москвы уют».

Что-то не так в последнем предложении. Я перечитал донос. Ну, конечно, Вальде Микаэль, а не Георгис. Я из матолики сделал раса. Исправил. Хотя никто бы и не заметил.

Осложнение

Особист больше не пристаёт, что понятно: чтобы прочитать мою писанину, ему нужен дополнительный штат. Зато часто беседует с Аликом, при этом у обоих очень серьёзный, а в последнее время – озабоченный вид.

- Ты что-то с особистом стал частенько встречаться. Случилось что? – интересуюсь я.

- Да нет, все в порядке.

Алик делает паузу и добавляет:

- Вообще-то, есть одно осложнение.

Я молчу и жду продолжения.

- Тут такое дело. Я писал, что познакомился с одним офицером ВВС, с которым у меня установились доверительные отношения. Я почувствовал в нем ностальгию по

прошлому и вдул ему свою историю репрессированных советской властью дворян – родственников. В итоге он, в свою очередь, поведал о своих монархических убеждениях.

- Это что – реальный чувак?

- Нет, конечно.

- Ну, и в чем осложнение?

- Эх, I let my imagination run away with me⁷⁰, как пишут в романах Гарольда Роббинса.

Алик прикуривает от зажигалки, делая это совершенно просто – без театральных жестов. Дело, действительно, серьезное.

- Короче, завтра он должен встречаться с одним представителем эфиопской диаспоры, чтобы обсудить вопрос поддержки из-за границы восстановления монархии.

- Где встречается?

- В Гийоне.

Гийон - ресторан неподалеку от Рас-отеля, окруженный парком, с открытой террасой. Популярное заведение среди западных дипломатов и спецслужб. Среди нас тоже – когда деньги есть.

- План был такой – я иду в ресторан на встречу, обедаю с монархистами – расходы, я думал, мне возместят – и собираю информацию.

- Отлично. Можно, я присоединюсь?

- Ты как раз и входил в мои планы. Что, мне одному там квасить? Но было принято другое решение.

Алик глубоко затягивается и рассматривает остаток дымящейся сигареты.

- Мне сказали сидеть тихо и не высовываться. Они сами разберутся вместе с местной спецслужбой, ориентируясь на мое описание.

- А ты описание давал?

- Ну да – для достоверности.

- Ну, эфиопы все на одно лицо. Достаточно иметь учебник русской литературы с портретом Александра Сергеевича.

- Да. Я еще про татуировку написал – эфиопский крест на внутренней стороне запястья.

- Не вижу проблемы. Татуировки креста обычно у женщин, и то – на лбу.

Алик трясет головой, как будто желая прогнать от себя неприятные мысли.

- Да, конечно. Посидят там, понаблюдают, доложат, что встреча не состоялась. А я напишу, что контакт на связь больше не выходил. Причины – неизвестны. Ладно, что так скучно стало? Пошли вмажем чего-нибудь.

Что значит «чего-нибудь»? У нас в Белле только один напиток. Заначку приканчиваем.

Массава-2

На следующий день мы летим в Массаву. Ее, наконец, отбили у сепаратистов. В городе много разрушенных артиллерией зданий. Через круглую пробоину в стене я вижу

⁷⁰ Я дал волю своему воображению (англ.)

стул, стол и стоящую на столе пишущую машинку, за ними - полуразрушенная стена, и за ней – море.

Море не повреждено. Пирс, с которого удят рыбу, тоже цел, как и гостиница рядом. В ней разместили наших вояк. Мы же разместились на гостиничном пляже – плаваем, загораем, наблюдаем за подводным миром. Близко к пирсу не подплываем: усатые дядьки, на вид – прапора, ловят с него рыбу, и вода вокруг кишит барракудами. В качестве орудия лова используют толстую леску с грузилом и крючком. На крючок насаживают кусок мяса и забрасывают леску в море. Рыба клюет охотно. «Прапора» потрошат рыбу на пирсе и бросают потроха в воду, где их тут же пожирают барракуды.

Барракуда - это всего лишь морская щука, и это должно успокаивать. Однако здешние щучки вырастают довольно большими – под два метра, и поэтому официально называются «большими». Внутри пасти – опять же большие острые, как кинжалы, зубы, а снаружи – ещё один ряд – на всякий случай - зубов помельче.

Мы разогрелись на солнышке, и плавать лень.

- Барракуды на людей нападают? – завязывает неспешную беседу правак.

- Не должны.

Правак некоторое время обдумывает мой ответ.

- Но могут?

- Могут, если спутают с кем-нибудь другим.

- С кем?

- С рыбой. Или с прапором.

Моя «шутка» вызывает общий смех. Наш стрелок не обижается и тоже смеётся. Смех прерывает истошный крик с пирса. Мы видим одного из «прапоров», который, продолжая кричать от боли, смотрит на свою руку. Рука залита по локоть кровью и не досчитывается большого пальца.

Мы бежим на пирс. «Прапор», оказывается, насадил сырое мясо на крючок, закинул в море донку и решил прополоскать руку в воде под пирсом. Барракуда срезала палец как бритвой и, предположительно, проглотила. Мы заматываем ему руку его же футболкой и помогаем дойти до гостиницы.

«Прапор» стонет и приговаривает: «Ну все, бл*дь, теперь комиссуют. Все, бл*дь, теперь комиссуют».

Комиссуют – как пить дать. Палец не пришьёшь, он уже переваривается, а без него стрелять затруднительно...

«Прапора» увозят на УАЗике в госпиталь.

Спецоперация

Вечером я захожу к Алику в номер. Он лежит на кровати - бледный и visibly drunk. Телевизор включён и говорит по-амхарски.

- A horse enters the bar and sits down at the counter. "Why the long face?" asks the bartender⁷¹.

Алик не смеётся моей шутке и даже не улыбается.

- Садись, сейчас новости будут.

Новости в это время читают по-английски.

- Слушай, в Массаве такой случай приключился...

Алик прерывает меня.

- Послушай.

- "... a special operation at the restaurant Guion. Following up on an anonymous tip, the intelligence service attempted to arrest two members of a terrorist network that supports the restoration of monarchy. The criminals resisted the arrest. In the ensuing exchange of fire, both terrorists were shot dead on the spot. One of them turned out to be an Ethiopian born US citizen⁷²".

Как выразился бы классик: «Немая сцена».

- Ну, и – наконец произношу я только для того, чтобы что-то сказать.

- Что «и»? – вскрикивает Алик как ужаленный.

- И ... ты думаешь, это - «твой»?

- Какие «мои»? Какие «мои»?

- Ну, твои «монархисты», про которых ты писал...

- Да нет их, и никогда не было! Я же их придумал! Откуда мне знать, что там произошло!

Я не знаю, что сказать.

Я иду к себе в номер, говоря себе, что вся эта история – глупейшее, абсурдное совпадение, что эти «террористы» были не просто посетители ресторана, коль были вооружены и отстреливались. Мало ли мы трупов видели на обочинах, про которых эфиопы говорили: «монархисты».

Ливия

Коммунизм

«Моя Эфиопия» переходит в «мою Ливию». Мы летаем туда на Ил-76-х. Самолёт мне очень нравится: все новенькое, современное, шуму меньше, вместо осточертевших ларингофонов – настоящая гарнитура с аккуратным микрофончиком.

Первый прилёт в Триполи меня впечатлил. Я знал, что ливийцы богаты. У нас учились ливийские летчики, которые жили в отдельном корпусе напротив нашего общежития. Местные бабы штабелями укладывались у входа: так им ливийцы нравились.

⁷¹ В бар входит лошадь и садится за стойку. «А что такое лицо вытянутое?» – спрашивает бармен. (Шутка заключается в том, что в английском языке «иметь длинное, вытянутое лицо» означает иметь печальный вид – прим. автора)

⁷² ... спецоперация в ресторане «Гийон». Проверая поступивший анонимный сигнал, Служба безопасности попыталась задержать двух членов террористической организации, выступающей за восстановление монархии. Преступники оказали сопротивление. В ходе завязавшейся перестрелки оба террориста были убиты. Один из них оказался гражданином США эфиопского происхождения (англ).

Внутри они тоже проходили спокойно: нравственные устои вахтёрш не выдерживали размера бакшиша.

Но я не знал, что в Ливии нынешнее поколение уже живет при коммунизме. У каждого ливийца свой дом или квартира, две машины, несколько жён (коммунизм с арабским лицом), полно еды, товарное изобилие, и никто не работает. В сельском хозяйстве заняты болгары, в больницах русские, на буровых – суданцы. И мы ещё сюда что-то возим все время.

Мы прилетаем сюда ненадолго: на пару-тройку дней. Живем в центре Триполи в гостинице. Первое впечатление подтвердилось: здесь-таки коммунизм. Товарное и продуктовое изобилие никуда не исчезает. Мои экипажи посвящают свободное время посещению сука – местного базара, где есть все, что нужно советскому человеку.

На базаре все члены экипажа покупают все одинаковое. Например, все покупают японские часы «Сейко» с подзащиткой. Или двухкассетники «Хитачи» с лампочками. Или треугольные табуретки, обтянутые кожей. Женские колготки и американские джинсы пользуются постоянным спросом.

Я пристрастился ходить на набережную. Здесь свежий морской бриз, пальмы, столики, за которыми сидят ливийцы, пьют кофе не хуже эфиопского и курят кальян. Они способны пить кофе и курить табак в большом количестве. И требуют все больше и больше. Вот это, наверное, оно и есть: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Сбылась светлая мечта человечества.

Есть только один недостаток: сухой закон. Еще очень громко кричат с минаретов пять раз в день. Но можно, наверное, привыкнуть к безалкогольной жизни, если она такая беззаботная. А под пение муэдзина счастливые жёны непьющих мужиков танцевать будут.

С набережной можно пить вкусный кофе и следить за выходом с базара. «Мои» появляются, следуя друг за другом гуськом, как караван в пустыне. У каждого под мышкой верблюжье одеяло коричневого цвета, упакованное в целлофан с яркой наклейкой.

Я летаю в Триполи раз 17, не меньше. Под конец прихожу к выводу, что коммунизм – довольно скучная штука.

Ботинки

Скоро дембель, «за окнами август». Надо готовиться к переходу на мирные рельсы на запасных путях.

Но только я начинаю готовиться, как меня отправляют на чрезвычайно ответственное задание. «Полетишь с генералом Г-ым в Афганистан на рекогносцировку». Сначала нужно залететь в Чкаловскую. Там меня будет ждать борт до Ферганы. Во время полета в Фергану я должен научить курсантов ВИИЯ, которые полетят со мной, ведению радиообмена на английском языке.

Я опять не успеваю постричься. Меня генерал расстреляет. Спасти может только форма ГВФ.

ИЛ-76-й в Фергану нахожу быстро, самолет готов к вылету. Шестеро курсантов ВИИЯ ждут у трапа. Одеты модно: джинсы, кроссовки – все дела. У каждого - «дипломат». Видно, что загранки уже хлебнули.

Меня с курсантами размещают в грузовом отсеке. Это – не Ан-12, здесь все герметизировано. В отсеке куча матрасов. Возможно, в Фергане с матрасами напряжёнка. На матрасах мы и располагаемся – очень удобно. Лететь часов пять. Есть время, чтобы познакомиться поближе.

- Ладно, ребята, мне нужно вас до посадки обучить радиообмену. Вы его в институте проходили?

- Проходили. У нас и пособие есть, - один из курсантов хлопает ладонью по «дипломату».

- Очень хорошо. А ещё что там есть?

- Есть коньяк.

- Очень хорошо. Доставай.

ВИИЯшники – люди аккуратные, даже складные стаканчики у них есть. Из закуси – жвачка. Ее много.

Курсанты видят, что я хоть и старший по званию, но гнобить их не буду, и расслабляются.

«Обучение» проходит легко, непринужденно. Я рассказываю им про QNH, они вежливо слушают, но интересуют их совсем другое:

- Говорят, что в Афганистане весь радиообмен на русском. Это правда?

- Не знаю, возможно.

- Тогда зачем нас туда посылают? У нас ни фарси, ни урду нет, а английский не нужен.

- Начальству видней.

- На сколько нас туда посылают?

- А вам не сказали?

- Говорили, что на три месяца.

- Ну, значит, на три.

Мы допиваем коньяк. У них, наверняка, ещё есть, но лучше пусть себе на потом оставят. И пьяными из самолета вываливаться некрасиво. Курсантов отымеют по первое число, а на мою репутацию педагога ляжет позорное пятно.

Прилетаем к вечеру. Фергана жаркая и сухая. И плоская. Лишь вдали высятся горы, за которыми, как я думаю, должен быть Афганистан. Заселяюсь в офицерское общежитие.

Мне сообщают номер комнаты командира моего экипажа. Стучу – никто не отвечает. Приоткрываю дверь. Дым коромыслом. Громкие голоса. Вхожу в темный предбанник. В комнате за столом идет игра в храп.

- Генерал уже здесь. Всех на уши поставил.

- А что такое? Вылетать только послезавтра.

- Да ботинки ГВФовские на складе ему найти не могут.

- В смысле – черные?

- Ну да. Форму кое-как нашли – у него размер очень большой.

- Генерал - что ты хочешь.

- Ну да. А ботинок нет. У завсклада, говорят, очко уже скрипит.

- Еще и переводчика нет. Где его, мудака, носит.

Я решаю хоть в чем-то успокоить своих товарищей по экипажу.

- Я здесь. Лейтенант Стариков. Переводчик.

Эпизод веселит всех. Мы знакомимся, и мне наливают выпить с устатку. Сразу видно, что командир нормальный, и экипаж дружный. Споемся.

Завтра отдыхаю, никуда «являться» или «прибывать» больше не надо. Задача минимум – повидаться с Сережей Починковым, задача-максимум – повидаться с Сережей Починковым и постриться до встречи с генералом, с которым мне в разведку идти.

То, что Сережу перевели после Уганды в Фергану (здесь какой-то учебный центр для иностранцев) – я знал. Но я не знал, что найти Сережу будет очень легко: он, как и все остальные переводяги, живет в том же общежитии, что и я.

Мы встречаемся за завтраком в столовой. Сережа представляет меня своим друзьям.

Я предлагаю пойти куда-нибудь вечером отметить встречу.

Сережа ухмыляется.

- Вообще-то у нас - я имею в виду переводчиков - сухой закон. И здоровый образ жизни: тренировки каждый день, вечером все пьем чай с тортиком.

Вот так – на взлете – охотники сбивают птицу.

- Шутишь?

Может, взлечу еще.

- Нет. Серьезно.

- Так ведь тортик – тоже вредно? Может, заменишь чем-то - одинаково вредным?

Сережа улыбается.

- Замену. В порядке исключения. В городе есть одно хорошее заведение.

Я не успеваю постриться. Как-то не сложилось: дрых долго, потом читал, потом опять дрых. Видел членов своего экипажа. Опять говорили про ботинки.

Вечером Серёжа ведёт меня в город. Мне кажется, что я попал в сон зампотыла: все параллельно и перпендикулярно. Серёжа поясняет, что это – сон генерала Ермолова, ставший явью. Генерал его спроектировал и построил.

Спасибо ему: ночью, после ресторана, который тоже, возможно был в проекте генерала, в городе очень трудно заблудиться.

Мы прячемся от солнца под крылом. Уже жарко, хотя ещё ранее утро. Экипаж нервничает. Вот-вот привезут генерала.

Подъезжает УАЗик. Мы строимся у трапа. Выходит генерал. На нем форма ГВФ и – о, ужас! – коричневые – уставные военные - ботинки.

Генерала сопровождает командир полка, у которого вид побитой собаки. Возможно, генерал его бил коричневыми ботинками.

- Что значит – не нашли? – доносится от УАЗика.

Командир экипажа докладывает о готовности к полету. Недовольный генерал осматривает нас и останавливает свой взгляд на мне.

- А это что за рыжий барбос?

Эх, ну надо же было постричься.

- Это переводчик, товарищ генерал, - отвечает командир полка и смотрит на меня как на предателя Родины.

Его можно понять. Мало ему ботинок этих, так вот ещё и я.

- Лейтенант Стариков, товарищ генерал.

- Лейтенант... Что за вид? – не успокаивается генерал.

Я хотя бы в чёрных ботинках, между прочим.

- Аэрофлот, товарищ генерал. Вживаюсь в образ.

Генерал ухмыляется. Командир полка переводит дыхание.

- Аэрофлот, говоришь.

Генерал опять багровеет.

«И вот я сижу, дожидаясь расстрела» - вспоминаю я песню своего дворового детства.

- Аэрофлот, - повторяет генерал и поворачивается к вросшему от страха в бетонку командиру полка, - какой же это Аэрофлот, если ботинки коричневые? Что стали? Идите ищите!

УАЗик уносится прочь.

Рулим на полосу. Генерал, борттехник и я – в предбаннике. Я надеваю наушники от нечего делать. Правак разговаривает с вышкой. Перед самым выездом на предварительный, поступает команда – остановиться. Мы останавливаемся. Навстречу по рулежке мчится УАЗик. Останавливается перед самым нашим носом. Командир командует открыть нижний люк под кабиной пилотов. Люк открывается, и через несколько секунд из него появляется рука с картонной коробкой.

Борттехник хватает коробку и несёт ее генералу. Генерал открывает ее. В ней – чёрные ботинки. Генерал переобувается и с довольным видом произносит:

- Мой размер.

Нам разрешают взлёт.

В афганском небе я радиообмениваюсь недолго: начиная с диспетчера подхода, все говорят по-русски. В основном, читаю книгу. Генерал интересуется, что я читаю. Я протягиваю ему Трифонова. Хорошо, что я Солженицына не прихватил, а то сбылось бы пророчество Саши Минина.

Генерал хмурится.

- Почему по-русски читаете? Вы же переводчик, надо на иностранном языке читать – тренироваться.

Я не знаю, в чем заключается цель рекогносцировки, которую должен провести генерал: Ан-12-е уже здесь. Во всяком случае, задачи, поставленные передо мной, я выполнил. Английский больше не нужен, ВИИЯшники были правы. В Баграме - либо по-русски, либо на фарси через переводчика. Я знакомлюсь с одним из них – армянином. У него – фарси и урду. Встречи генерала с местной стороной обслуживает он.

Местная сторона встречает не только генерала. Экипаж выгружает ящики, в каждом – 20 бутылок водки. Мне разъясняют, что один ящик выменивается на одну

афганскую дубленку – женскую, с узором. Очень выгодно. Информация интересная, но для меня бесполезная. I blew my chance⁷³.

Вылетаем обратно на следующее утро. Последнее, что я вижу: мои «ученики» в среднеазиатской военной форме расчехляют двигатели АН-12-х. Нашлось-таки им применение.

Я думаю, что здесь часто будут крутить фильм «Белое солнце пустыни».

«Абдулла, а что это твои люди, никак запалить что хотят?»

Наверное...

Послесловие

Nächste Station: Vienna International Center. Umsteigen in die Buslinien⁷⁴ ...

Я выхожу. Очень удобно: платформа в нескольких метрах от входа в Отделение ООН в Вене. Сегодня – мой первый день работы. Я перевёлся сюда из Нью-Йорка.

Я выхожу из метро и сразу же вижу человека, которого очень хорошо знаю. Этот человек – Саша Минин.

Конечно, я знал, что Саша здесь работает. И он знал, что я перееду в Вену. Но что я приеду на метро сегодня утром в 9 часов утра – не знал даже я, пока не приехал и не посмотрел на часы.

Саша деловит и будничен, будто мы виделись вчера и договорились встретиться у выхода из метро.

Мы не виделись вчера. Мы виделись пару десятилетий тому назад, но по Саше этого не скажешь: он такой, как прежде – коренастый, светловолосый, крепкий.

Кратко и отрывисто он даёт мне все необходимые инструкции и советы, закрепляя то, что писал мне до этого в письмах.

К тому времени, как я приехал работать синхронистом в Нью-Йоркской штаб-квартире ООН, Саша уже закончил командировку и уехал в Нижний. Впоследствии он перебрался в Москву и работал в МИДе. Пару раз мы встречались в Нью-Йорке, когда Саша приезжал в краткосрочные командировки.

У него все складывалось в строгом соответствии с первоначальным планом: ООН, МИД, московская прописка, командировки.

Мешал только второй день рождения, который Саша продолжал праздновать 364 дня в году (в 365-й он отмечал свой первый).

Но и здесь Сашина сила воли победила силу привычки. Перелом произошёл после того, как жена Леночка застала его выбрасывающим одну за одной свои рубашки с балкона московской квартиры.

- Сашенька, зачем ты выбрасываешь рубашки? - удивилась она.

⁷³ Я упустил свой шанс (англ.)

⁷⁴ Следующая станция – Венский международный центр, пересадка на автобус номер... (нем.) (В центре размещаются Отделение ООН в Вене и МАГАТЭ – прим. автора)

- Пищат, - ответил Саша.

Рубашки, вероятно, хотели допицаться до Саши и сообщить ему, что пора «завязывать», и Саша услышал их. Так или иначе, после инцидента с пискливой одеждой Саша прекратил отмечать свое чудесное спасение в эритрейской пустыне, получил контракт в МАГАТЭ, купил квартиру в Вене и распланировал остаток своей – уже трезвой – жизни, и – частично- моей.

- Слава, тебе необходимо купить квартиру в Вене. Выйдешь на пенсию – будешь жить здесь. Вена – самый удобный для проживания город. ООНовцы налоги не платят. Продукты органические, это тебе не Америка. От немецкого можно абстрагироваться. Все равно австрийцы с тобой общаться не будут: у них постоянно включена система распознавания «свой-чужой».

- К тому же, все своё свободное время они проводят в своих подвалах, где пьют вино и занимаются инцестом с дочерьми, - пытаюсь пошутить я, но Саша воспринимает мою шутку как еще один аргумент в пользу своих тезисов.

- Так что легко обойдешься без немецкого. Между прочим, местные австрийцы тоже без него обходятся. Они говорят на венском диалекте, который, кроме них, никто не понимает.

- Своим детям, - продолжает Саша, - в Америке ты вряд ли будешь очень нужен, и в гости к тебе им ездить не интересно: что они не видели в той Америке? Другое дело, если ты живешь в Европе: сюда приезжать они всегда будут готовы, чтобы окультуриться, особенно за твой счет. Теперь: здоровый образ жизни. Нужно быть здоровым максимально долго. Иначе никакая культура детей сюда не заманит.

Теперь: не тяни с оформлением российской пенсии. Я уже навел все справки по поводу мидовской пенсии и московской надбавки. Кстати, ты себе удостоверение УБД сделал? По нему транспорт бесплатный и другие льготы...

Саша вспоминает, что я – теперь гражданин другого государства.

- Ну, у вас там в Харькове, возможно, все иначе.

Саша все посчитал: сколько и на что у него будет уходить денег, сколько будет оставаться на черный день, сколько времени он будет проводить в Вене и Москве (зимой в Вене значительно теплее), сколько денег можно будет выделять на материальную помощь непутевому Мишутке (Ромашка стал долларовым миллионером).

Каждый день после работы Саша ходит плавать в бассейн. Леночка счастлива. Рубашки ведут себя образцово.

Я стараюсь, насколько это возможно, следовать Сашиним советам.

Мы ходим друг к другу в гости.

В свободные получасовки я захожу к нему в кабинет в службе письменного перевода МАГАТЭ – поболтать.

Мы вспоминаем нашу «службу» и ее последний день:

Рюшин вызывает нас из строя. Перед всем полком он зачитывает благодарность партии и правительства за выполнение нами спецзаданий. Мы отдаем честь, говорим «Служу Советскому Союзу» и делаем «кругом» - я через левое плечо, а Саша – через правое – такой красивый маневр, как истребители на авиационном шоу.

«Маневр» всем очень нравится, и в полку о нем еще долго вспоминают.

Саша умирает за два месяца до выхода на пенсию. В больницу на скорой помощи его отправила врач, которой он пожаловался на боль в груди. Саше поставили два стента, и он быстро пошел на поправку и ходил по лестнице вверх-вниз. На третий день он потребовал, чтобы на ночь с него сняли аппаратик-монитор сердца. Медперсонал его отговаривал, но безрезультатно. «Снимите и больше не надевайте – мне он мешает спать».

Сестра зашла к нему в 6 утра. Саша уже улетел.

После слов

Сколько их было – слов? 50? 60?

Мало – но и они больше не нужны.

Саша был последним, с кем я мог ими обмениваться.

Остальных я растерял, или они сами ушли, как Саша.

Поначалу какие-то звуки доходили до меня: кто-то продолжал летать в Африке, кто-то основал базу АН-12-х в Турции и здорово разбогател, кто-то стал генералом.

Потом остался только Саша.

Сейчас эфир пуст, только иногда - тихое потрескивание.

Тиннитус?

Шейный остеохондроз?

Конец связи – это точно.

После всего

Эритрея таки отделилась.

